

СТАТУС — СВОБОДНА!

Требуется сиделка
для взрослого сына

СТАТУС — СВОБОДНА!

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

ИРЭН ВЕСЁЛАЯ

Ирэн Весёлая

Статус-Свободна! Требуется сиделка для взрослого сына.

<https://litres.ru/74469209>

Аннотация

— Лидия, познакомьтесь, это мой сын Макар. Ему нужен особый уход, — хозяйка роскошного особняка открывает дверь спальни. Я ожидала увидеть ребенка. Больного малыша, которому нужна забота и сказки на ночь. Но вместо этого наткнулась на обжигающий взгляд карих глаз. Передо мной — взрослый мужчина. Сломленный, яростный и... чертовски красивый.

Мой брак разлетелся вдребезги, когда я застала мужа с лучшей подругой в нашей постели. Я ушла с одним чемоданом, оставив предателю всё, лишь бы получить свободу. Теперь мне нужна работа, чтобы выжить. А Макару нужна сиделка, которую он мечтает выжить из дома в первый же день.

Он — раненый зверь, ненавидящий весь мир. Я — врач, которой больше нечего терять. Он клянется превратить мою жизнь в ад. Он еще не знает, что после измены мужа ада я больше не боюсь.

В тексте вас ждут: ✓ Измена — болезненная, резкая, но ставшая точкой роста. ✓ От ненависти до любви — искры будут лететь такие, что в особняке сработает пожарная

сигнализация. ✓ Сильная героиня — врач с железным характером и добрым сердцем. ✓ Сложный герой — властный, харизматичный, временно запертый в кресле, но не сломленный. ✓ Противостояние характеров — она не будет молчать, он не будет жалеть. ✓ Тайны прошлого — авария Макара была не случайна, и Лидии придется это доказать. ✓ Хэппи-энд — заслуженное счастье и полное фиаско для бывших.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5(Макар)	62
Глава 6	78
Глава 7	97
Глава 8	109
Глава 9	123
Глава 10(Макар)	140
Глава 11	157
Глава 12	176
Глава 13(Лидия / Макар)	193
Конец ознакомительного фрагмента.	197

Глава 1

Смена в приемном покое закончилась в восемь утра, но я задержалась. В реанимации

«уходил» старик с обширным инфарктом, и я до последнего держала его за сухую,

похожую на пергамент руку, пока монитор не вытянулся в бесконечную

горизонталь. В этом и была вся моя жизнь: фиксировать моменты, когда

что-то окончательно ломается. Смерть я научилась принимать как диагноз.

Предательство — еще нет.

Я шла к метро, чувствуя, как под тяжестью усталости подкашиваются ноги. Мокрый

октябрьский воздух Москвы пах залежалой листвой и бензином. В голове монотонно

крутилась одна мысль: душ, горячий чай и двенадцать часов тишины. Геннадий

должен был быть на объекте — он открывал новый филиал своего мебельного

салона, так что квартира обещала стать моим личным храмом тишины.

Я открыла входную дверь своим ключом, стараясь не шуметь. В прихожей пахло

непривычно. Не моим любимым лавандовым кондиционером и не кожей старого

портфеля Гены. Воздух был отравлен чем-то приторным, густым и дешевым. Так

пахла Инна. Моя лучшая подруга, которая всегда выбирала парфюм с таким

шлейфом, будто хотела пометить собой каждый квадратный метр.

У порога стояли её красные лодочки. Те самые, на шпильке в двенадцать

сантиметров, которые я советовала ей не покупать —

«Инна, у тебя же

варикоз начнется, пожалей вены». Она тогда только рас-
смеялась, тряхнув гривой

крашенных блондинистых волос: «Лидочка, вены — это по
твоей части, а по моей —

мужики».

Сердце не забилося чаще. Напротив, оно как будто замед-
лилось, переходя в режим

гипоксии. Я профессионал. Я врач. В критических ситуа-
циях мой мозг начинает

работать как компьютер: сбор анамнеза, осмотр, диагноз.
Анамнез: муж дома в рабочее время. Подруга дома без
приглашения хозяйки. Осмотр:

в гостиной на столике две пустые бутылки из-под игри-
стого. На ковре — мой

любимый плед, который я выбирала для уютных вечеров.
Теперь он скомкан,

как грязная ветошь.

Из спашни донесся смех. Короткий, залиvistый, переходящий в хриплый стон. Тот

самый звук, который Инна издавала, когда выпивала лишнего. И голос Геннадия —

низкий, бархатный, тот самый голос, которым он восемь лет назад шептал мне

клятвы у алтаря.

Я прошла по коридору. Шаги тонули в мягком ворсе ковра. Дверь в спальню была

приоткрыта — Гена всегда ненавидел замкнутые пространства, жаловался на

клаустрофобию.

Картинка была четкой. Слишком четкой. HD-качество моего личного ада. Белая

простыня, которая казалась стерильной еще вчера, сейчас выглядела как поле

боя. Гена, мой надежный, мой «каменный» Гена, прижимал к себе Инну. Его рука с

обручальным кольцом — тем самым, которое мы заказывали у ювелира в Праге —

покоилась на её бедре.

Я стояла в дверях, оперевшись плечом о косяк. Усталость странным образом прошла.

Осталась только звенящая пустота.

— Пульс у тебя, Гена, частит, — произнесла я ровно. — Тахикардия налицо. И лицо

красное — гипертонический криз заработаешь.

Они подскочили одновременно, как по команде «Смирно!». Инна взвизгнула,

судорожно натягивая на себя край одеяла, а Геннадий... Геннадий просто

смотрел на меня. В его глазах не было раскаяния. Только животный страх

пойманного на месте преступления воришки, который тут же сменился

раздражением.

— Лида? Ты же... ты же до вечера должна быть! — вы-

дохнул он, пытаюсь нащупать на

полу брюки.

— Пациент умер раньше времени, — ответила я, переводя взгляд на Инну. У той

потекла тушь, превращая её в потрепанную панду. — Инна, лодочки в прихожей

лучше убери. Я на них чуть не наступила.

— Лид, ты всё не так поняла... — начала Инна заезженную пластинку. — Мы просто... мы

выпили, и как-то само...

— «Само» случается только непроизвольное мочеиспускание, Инна. Остальное —

результат осознанного выбора, — я развернулась и пошла на кухню.

Руки не дрожали. Я поставила чайник. Мне нужно было занять чем-то руки, пока

мозг судорожно выстраивал алгоритм действий.

Геннадий влетел в кухню через минуту. Он успел натянуть джинсы на босу ногу и

выглядел нелепо со своими взлохмаченными волосами.

— Лида, не надо этого театра! Ну да, случилось. Я муж-чина, у меня есть

потребности! Ты вечно на своих дежурствах, от тебя пах-нет кварцем и

безнадегой. А мне нужна жизнь! Инна — она живая. Она не рассуждает о

симптомах за ужином!

Я медленно повернулась к нему. — Пахнет безнадегой? Это интересно. Значит,

восемь лет моей «безнадеги» помогали тебе строить биз-нес, пока я впахивала

на две ставки, чтобы мы могли взять этот кредит?

— Кредит закрыт, Лида. И квартира, если ты забыла, оформлена на маму. Ты здесь

на птичьих правах, — его голос стал жестким. — Я не хотел этого разговора

сейчас, но раз уж ты пришла... Нам пора разойтись. Ты стала скучной. Как

старая инструкция к аспирину.

Это был удар под дых. Не измена — к ней я уже начала привыкать за те три минуты,

что прошли с момента открытия двери. А эта расчетливая, холодная жестокость.

Квартира, которую мы вместе отделявали, где я сама красила стены в детской —

в той самой детской, которая так и не дождалась жильца — действительно

принадлежала его матери. Юридическая ловушка, в которую я зашла с

широко закрытыми глазами, потому что верила.

— Хорошо, — сказала я, выключая так и не закипевший чайник. — Я ухожу.

— Прямо сейчас? — он удивился. — А как же скандал? Посуда? Дележка вилок?

— Посуду я тебе дарю, Гена. Ешь из неё вместе с Инной. Надеюсь, у неё нет

аллергии на твое вранье, — я прошла в гардеробную.

Сбор вещей занял ровно пятнадцать минут. Я брала только то, что купила сама. Мои

книги по медицине — тяжелые тома, в которых было больше правды, чем во всех

словах Геннадия. Мой стетоскоп. Немного одежды. Портрет отца —

единственное, что связывало меня с прошлым, где люди еще держали

слово.

Инна в это время проскользнула мимо меня в ванную, пряча глаза. Мне хотелось

сказать ей, что Гена изменял и ей — когда полгода назад задерживался «на

совещаниях», а сам пах духами секретарши. Но я промолчала. Зачем лечить

того, кто хочет быть больным?

Я застегнула чемодан. Он оказался на удивление легким. Вся моя жизнь в

тридцатилетнем возрасте уместилась в двенадцать килограммов пластика

на колесиках.

Геннадий стоял в прихожей, привалившись к косяку. Он уже пришел в себя,

почувствовал силу. — Куда ты пойдешь? К матери? В её каморку? Лида, не

глупи. Живи пока в гостевой, пока не найдешь вариант. Я же не зверь.

— Ты не зверь, Гена. Ты паразит. А паразитов я привыкла удалять из организма

решительно.

Я достала из сумки связку ключей. Металлический брелок в виде сердца — подарок

Гены на первую годовщину — выглядел сейчас как издевка. Я положила их на

тумбочку у зеркала. В зеркале отразилась бледная женщина с темными кругами

под глазами. Она выглядела старой. Но в её позвоночнике

всё ещё был стальной

стержень.

— Ключи на столе. Опись имущества проводить не буду
— подавись.

— Лида! — крикнул он мне вслед, когда я уже открыла дверь. — Ты ещё приползешь!

Кому ты нужна в тридцать лет, с такой рожей после смен и чемоданом учебников?

Я не ответила.

На улице ливень перешел в настоящую стену воды. Я стояла под козырьком подъезда,

и холодные капли разбивались о мои кроссовки. Денег на такси было в обрез —

зарплата только через неделю, а общая карта, как я понимала, уже

заблокирована или обнулена.

Я выкатила чемодан под дождь. Вода мгновенно пропитала пальто, затекла за

шиворот. Но странное дело: мне стало легче дышать. С каждым шагом от

этого дома, от этого запаха дешевых духов и дорогой мебели, купленной на

мои бессонные ночи, я чувствовала, как с груди спадает железный обруч.

«Статус: свободна», — пронеслось в голове горькой иронией. Свободна от

обязательств перед тем, кто их не ценил. Свободна от дома, который был

декорацией. Свободна... и абсолютно нища.

Я побрела к остановке автобуса. Чемодан жалобно поскрипывал на стыках плитки.

Впереди была мамина хрущевка, запах корвалола и вечные упреки в том, что я

«не удержала мужика».

Но где-то там, за пеленой дождя, в моей голове уже начал работать врач.

Диагноз: острая жизненная недостаточность. Назначение: полная

перезагрузка. Любой ценой.

Я еще не знала, что эта цена приведет меня в дом, где ненависть будет еще

сильнее, чем предательство Геннадия. Но там, по крайней мере, всё будет

честно.

Когда я зашла в пропахший сыростью подъезд маминого дома,

мой телефон пискнул. Смс от банка: «Ваша карта заблокирована владельцем

основного счета». Геннадий не просто выставил меня — он решил стереть

меня в порошок. Я прислонилась лбом к холодной стене лифта и закрыла глаза. —

Хорошо, Гена. Посмотрим, кто из нас выживет в этой стерильной зоне.

Глава 2

Район моего детства встретил меня серыми слезами октябрьского дождя и запахом

безнадеги, который, казалось, въелся в сами кирпичи старых пятиэтажек.

Хрущевки стояли здесь плотными рядами, словно солдаты, забытые на поле

боя еще в прошлом веке. Разбитый асфальт во дворах превратился в полосу

препятствий: я тащила свой чемодан через лужи, и колеса жалобно

вскрикивали каждый раз, когда попадали в выбоину.

В этом районе время замерло. Те же скрипучие качели, выкрашенные в

ядовито-зеленый цвет поверх десяти слоев старой краски. Тот же

продуктовый «У дома», где на витрине вечно лежали за-

ветренныe забaтoны и

пиpaмиды из кoнсервныx бaнoк.

Я пoдoшлa к свoеmu пoдъeздy. Двeрь с кoдoвыm зaмкoм, устaнoвлeнным eщe в

дeвянoстyx, былa исцapaпaнa и пoкpытa слoями oбъявлeний o пoкyпкe вoлoc

и лeчeнии aлкoгoлизмa. Пaльцы зaмeрзли и плoхo слyшaлись, кoгдa я нaбирaлa

зaвeтныe цифpы: 3-8-К. Кoд нe мeнялся двaдцaть лeт. Мoя личнaя кoнстaнтa в

миpe, кoтopый тoлькo чтo рaзлeтeлся в пыль.

Лифт, кaк oбычнo, нe рaбoтaл. Нa пятый этaж я пoднимaлaсь пeшкoм, тaщa чeмoдaн

нa сeбe. К чeтвeртoму этaжy в лeгких нaчaлo жeчь, a пeрeд глaзaми зaплeсaли

чepныe мушки. Смeнa в бoльницe, пpeдaтeльствo, ливeнь и этoт пoдъeм — мoй

oргaнизм пoдaвaл сигнaл «SOS», нo я упopнo игнoриpo-

вала его. Я врач, я знаю

предел своих сил. Но сегодня предел был отодвинут на неопределенный срок.

Дверь квартиры открылась раньше, чем я успела нажать на

звонок. Мама всегда обладала слухом летучей мыши, когда дело касалось

«подозрительных шумов в подъезде».

— Лидочка? Господи, доченька, на тебе лица нет! — Мария Васильевна всплеснула

руками, отступая в узкий коридор, пропахший жареным луком, валерьянкой и

старыми газетами.

Она выглядела как обычно: в своем неизменном байковом халате с нелепыми

цветочками и в очках на цепочке. Мама была человеком старой закалки.

Для неё мир делился на «порядочных людей» и «всех остальных», а стабильность

измерялась наличием мужа и запаса гречки в шкафу.

Я молча ввалилась в прихожую, оставив мокрый чемодан у порога.

— Лида, ты вся мокрая! Пальто хоть выжми! — сутилась она, пытаясь помочь мне

снять одежду. — А Гена где? Почему ты одна? В такое время... У вас что-то

случилось? Машина сломалась?

Я посмотрела на неё. Мама была ниже меня на голову, хрупкая, с вечно тревожным

выражением лица. Сказать ей правду сейчас означало запустить часовой механизм

бесконечных причитаний. Но скрывать это было бессмысленно.

— Я ушла от него, мам. Навсегда, — мой голос прозвучал глухо, словно я говорила

из-под воды.

Мама замерла с моим мокрым пальто в руках. Её лицо медленно бледнело, а губы

начали подрагивать. — Как это — ушла? Лида, что ты такое говоришь? Куда

ушла? От мужа не уходят вот так, с одним чемоданом! Вы поссорились? Ну,

бывает, Гена — мужчина видный, характерный. Надо уметь промолчать,

сгладить...

— Он мне изменил, мам. В нашей постели. С Инной.

В коридоре повисла тяжелая, ватная тишина. Было слышно, как на кухне тикают

старые ходики и как за стеной у соседей орет телевизор.

— С Инночкой? — прошептала мама, и в её голосе я услышала не гнев, а какой-то

суеверный ужас. — Ох, Лида... Ну, может, бес попутал? Мужчины — они ведь как

дети, им новизна нужна. Ты же врач, ты должна понимать физиологию! А Инна —

девка беспутная, сама на шею прыгнула, небось...

Я закрыла глаза. Физиология. Новизна. Я слушала это и

чувствовала, как внутри

закипает холодная ярость. Моя собственная мать искала оправдания человеку,

который растоптал мою жизнь.

— Я не хочу это обсуждать. Мне нужно лечь. Пожалуйста.

— Конечно, конечно... Проходи в свою комнату. Я там, правда, коробки с рассадой

сложила и старые журналы «Здоровье», но сейчас разберу...

Моя комната. Четыре квадратных метра, которые за годы моего замужества

превратились в склад ненужных вещей. Я прошла внутрь, чувствуя, как

наваливается клаустрофобия. Узкая кровать с продавленным матрасом, стол, за

которым я учила анатомию, и полки, заставленные маминим хламом.

Я села на кровать. Пружины жалобно взвизгнули. Достала телефон, привычным

движением открыла банковское приложение. Нужна была хоть какая-то почва

под ногами. Завтра нужно купить еды, оплатить проезд, возможно, снять хоть

какую-то комнату, чтобы не сойти здесь с ума под мамино «надо было

потерпеть».

Экран мигнул. «Доступ запрещен. Карта заблокирована». Я попробовала еще раз.

Результат тот же. Геннадий не просто изменил мне. Он вычеркнул меня из

финансовой системы координат нашего общего мира. Все те деньги, что я

переводила на «семейный счет», все мои премии за дежурства — всё осталось у

него. Основная карта была оформлена на него, я была лишь «дополнительным

пользователем». Юридическая грамотность Гены всегда

была на высоте,

особенно когда дело касалось защиты его интересов.

Я уронила телефон на одеяло. Тридцать лет. У меня красный диплом врача, семь лет

стажа, тысячи спасенных пациентов — и ноль рублей на счету. Я вернулась в

исходную точку. В квартиру, где пахнет старостью и поражением.

Мама заглянула в дверь, неся в руках кружку с чаем. — Лидочка, ты не переживай.

Пересидишь тут недельку, Гена одумается, прибежит с цветами. Мужчины — они

отходчивые. А соседям я скажу, что ты просто в отпуск приехала, а то ведь

языки-то у всех длинные. Статус разведенки в нашем доме — это же клеймо,

дочка. Вон, посмотри на Нинку из третьей квартиры, вернулась к матери три

года назад, так на неё до сих пор косо смотрят...

— Мама, — я перебила её, чувствуя, как пульсирует жила на виске. — Никакой

недельки не будет. Будет развод. И мне плевать, что подумает Нинка из

третьей квартиры. Мне нужно работать. Прямо сейчас.

— Так в больницу твоювозвращайся! — Там сокращение, мам. Я была последней в

списке на ставку, потому что «муж богатый, прокормит». Завтра я безработная.

Мама присела на край стула, и в её глазах наконец-то отразилось понимание

катастрофы. Для неё потеря «статуса» была страшна, но потеря дохода — это

уже было реальностью, которую она понимала. Пенсии мамы едва хватало на

лекарства и коммуналку.

— Ох... — она прижала ладонь к щеке. — Что же делать-то? Как жить? Лида, может,

позвонишь ему? Извинишься? Ну, гордость — она ведь сыта не бывает...

Я не ответила. Я смотрела в окно, где в свете уличного фонаря танцевали капли

дождя. Извиняться? Перед ним? За то, что застала его с любовницей?

Ночь прошла в полузабытьи. Мне снились длинные больничные коридоры, где я бежала

за Геннадием, но он превращался в Инну, а та смеялась, разбрасывая по полу мои

медицинские инструменты. Я проснулась в семь утра от резкого звука — на кухне

надрывался старый стационарный телефон. Мама редко отключала звук.

Я вышла в коридор, потирая затекшую шею. Мама уже стояла у аппарата, прижимая

трубку к уху. Её лицо сияло. — Да, Валечка! Да ты что? Прямо сейчас? Лидочка

как раз здесь, представляешь, какое совпадение! Да-да, она врач, золотая

голова! Сейчас, подожди, я ей трубку дам!

Она сунула мне трубку, сияя так, будто я только что выиграла в лотерею. — Лида,

это тетя Валя! Помнишь её? Моя подруга из профсоюза, она сейчас в элитном

агентстве по подбору персонала подрабатывает. У неё есть вариант!

Я взяла трубку, чувствуя скепсис. Тетя Валя была женщиной энергичной, но

склонной к преувеличениям. — Лидочка, здравствуй, дорогая! —

затараторила трубка. — Слушай внимательно. Есть горящая вакансия.

Очень богатый дом, «Золотой поселок» по Новой Риге. Семья статусная, платят —

у меня глаза на лоб полезли, когда цифру увидела. Три твоих больничных зарплаты

в месяц! И проживание на всём готовом.

— Валя, — я постаралась придать голосу твердость. — Я врач-терапевт, а не

горничная.

— Да какая горничная, Лида! Им как раз медик нужен. Сиделка. Там у хозяйки сын,

мальчик после тяжелой аварии. Мать с ума сходит, никого к нему подпустить не

может, все девки сбегают — характер, говорят, у парня испортился после

травмы. Но тебе ли не знать, как с тяжелыми больными обращаться? Ты же в

реанимации работала! Лидочка, это твой шанс. Деньги огромные, жилье люкс, и

главное — от этого твоего Гены подальше, за забор, куда его и близко не

пустят.

Слово «деньги» в моем положении ударило в цель. Мне нужно было выбраться из

этого болота хрущевки. Мне нужно было доказать себе, что я могу стоять на

ногах без чьей-либо помощи.

— Мальчик? Сколько ему? — спросила я, представляя себе подростка или даже

ребенка лет десяти. В голове уже начали всплывать схемы реабилитации при

детских травмах.

— Ой, да какая разница, ребенок он для матери всегда ребенок! — уклончиво

ответила тетя Валя. — Главное — травма позвоночника, нужен медицинский

уход, массаж, контроль лекарств. Лида, завтра собеседование в десять утра.

Хозяйка, Елена Степановна, женщина строгая, но справедливая. Придешь?

Я посмотрела на свои руки. На безымянном пальце всё еще виднелась бледная полоса

от кольца. — Приду, — сказала я.

— Вот и умница! Диплом не забудь и халат чистый прихвати, мало ли что.

Я положила трубку. Мама уже стояла рядом, сложив руки на груди. — Вот видишь!

Бог не оставляет! Поедешь, подлечишь ребеночка, деньги заработаешь. А там,

глядишь, и в семье всё наладится...

Я промолчала. В груди шевельнулось странное предчувствие. «Мальчик после

аварии». Почему-то эта фраза казалась мне ловушкой, но выбирать не

приходилось. Мой статус «Свободна» требовал жертв, и я была готова их

принести.

Вечером я собирала сумку. Халат, стетоскоп, удобные

кроссовки. В кармане пальто я нашла шоколадку «Киндер», которую купила на

днях, думая порадовать племянника. «Возьму для мальчика, — подумала я. — Больным

детям всегда нужны сладости». Если бы я только знала, что этот «мальчик» через

двенадцать часов швырнет эту шоколадку мне в лицо, а его взгляд будет

прожигать меня ненавистью взрослого, изломанного мужчины.

Глава 3

Новая Рига встретила меня идеально выбритыми газонами, которые даже в октябре

умудрялись выглядеть вызывающе зелеными, и тишиной, которая бывает только

там, где за каждый децибел заплачены огромные деньги.

Я вышла из пригородного автобуса на остановке у поворота к «Золотому поселку».

Мои кроссовки, отмытые вчера до белизны, выглядели здесь сиротливо на фоне

проносящихся мимо «Бентли» и «Майбахов». Ветер срывал последние листья с

кленов, и я плотнее запахивала пальто, которое после вчерашнего ливня так и

не просохло до конца, отдавая в подкладке едва уловимой сыростью.

Путь до КПП занял десять минут. Огромные кованые ворота напоминали вход в

средневековую крепость, только вместо стражников в кольчугах здесь были

хмурые мужчины в черной форме с рациями и холодными глазами.

— К Елене Степановне Громовой. По записи на десять,
— сказала я, стараясь, чтобы

мой голос не дрожал.

Охранник долго изучал мой паспорт, сверялся со списком в планшете, а затем

окинул меня коротким, оценивающим взглядом. В этом взгляде читалось всё: и

цена моей сумки из коззама, и отсутствие маникюра, и та самая печать усталости,

которую не замажешь никаким тональным кремом.

— Проходите. Пятый дом по центральной аллее. Белый особняк с колоннами.

Я шла по поселку, чувствуя себя микробом под линзой микроскопа. Здесь не было

случайных прохожих. Только садовники в одинаковых

комбинезонах и редкие тени

за тонированными стеклами машин. Дома поражали своим размахом, но в них не

чувствовалось жизни. Это были памятники успеху, холодные и монументальные.

Дом Громовых выделялся даже на этом фоне. Огромное здание из белого камня и

панорамного стекла. Минимализм, возведенный в абсолют. Никаких лишних

деталей, только строгие линии и гнетущее величие.

Дверь мне открыла женщина в строгом сером платье — экономка или горничная, по

лицу которой было невозможно прочесть ни одной эмоции. — Проходите. Вас

ожидают в малой гостиной. Обувь можете оставить здесь.

Я надела предложенные гостевые тапочки — они были мягче и дороже, чем вся моя

домашняя обувь, — и последовала за женщиной. Внутри дом напоминал музей

современного искусства. Мраморные полы, в которых отражались потолочные

светильники, огромные вазы и тишина. Такая густая, что казалось, её можно

резать ножом.

Малая гостиная оказалась кабинетом. За массивным столом из темного дерева сидела

женщина. Елена Степановна Громова.

Если бы снежная королева решила заняться бизнесом, она выглядела бы именно так.

Безупречная укладка «волосок к волоску», жемчужная нить на шее и взгляд,

который прошивал насквозь, вытягивая из тебя все тайны. Ей было около

пятидесяти, но пластическая хирургия и дорогой уход сделали её лицо

застывшей маской идеальной зрелости.

— Лидия... — она заглянула в мои документы, лежащие

перед ней. — Лидия Алексеевна.

Врач-терапевт. Красный диплом, стаж в отделении экстренной терапии. Почему вы

ищете работу сиделки?

Она не предложила мне сесть. Я стояла перед ней, как студентка на экзамене.

— Мне нужны деньги, — ответила я прямо. Юлить перед такой женщиной было

бессмысленно. — И у меня сложились личные обстоятельства, требующие

смены обстановки.

— Личные обстоятельства, — Елена Степановна приподняла идеально очерченную

бровь. — Развод? Измена? Ваш муж — Геннадий, кажется? Владелец мебельной

сети. Я знаю его компанию. Посредственно, но амбициозно. Значит, он оставил

вас ни с чем?

Мои щеки обожгло. Информация в этом мире распро-

странялась быстрее лесного

пожара.

— Это не касается моих профессиональных навыков, —
отрезала я. — Вы ищете медика

для сына. Я квалифицированный специалист. Я умею купировать приступы, проводить

реабилитацию, ставить капельницы и, что немаловажно, сохранять хладнокровие в

критических ситуациях.

Елена Степановна впервые посмотрела на меня с тенью интереса. — Хладнокровие вам

понадобится. Мой сын... — она на секунду замолчала, и в её стальных глазах

промелькнула едва заметная тень боли. — Макар попал в аварию полгода

назад. Перелом позвоночника в грудном отделе. Нижняя параплегия. Прогнозы

врачей разнятся, но я не принимаю отказов от судьбы.

Мне нужен человек,

который не будет над ним плакать. Мне не нужна жалость.
Мне нужен

результат.

— Я понимаю, — кивнула я. В голове уже рисовался образ: мальчик, возможно,

подросток. Травма позвоночника в таком возрасте — это страшно, но

пластичность детского организма творит чудеса. — У меня есть опыт

работы с травмами. Мы начнем с ЛФК, массажа и строгой диеты. Детям часто

трудно принять ограничение подвижности, но...

— Детям? — Елена Степановна вдруг странно усмехнулась. — Лидия, вы думаете, вы

пришли в ясли?

Она встала. Она была высокой, и её силуэт в строгом платье казался еще более

внушительным. — Пойдемте. Я познакомлю вас с вашим подопечным. Но

предупреждаю: если вы позволите ему командовать собой, вы не

продержитесь и часа. Десять ваших предшественниц ушли в слезах.

Мы вышли из кабинета и направились в крыло дома, которое было отделено массивной

звукоизолирующей дверью. Чем ближе мы подходили, тем отчетливее я слышала

странный звук. Тяжелый ритмичный бит. Рок-музыка, от которой вибрировали

стены.

Елена Степановна открыла дверь в комнату, и я невольно зажмурилась от яркого

света. Огромная спальня, больше похожая на хай-тек лабораторию. Панорамные

окна были зашторены наполовину. Повсюду — медицинские мониторы, сложная

реабилитационная кровать и... запах. Запах дорогого табака, антисептика и

застоявшегося гнева.

Музыка оборвалась внезапно. — Мама, я же сказал — не входить без стука! — голос

был низким, хриплым и вибрирующим от ярости.

Я открыла глаза и замерла. Моя рука непроизвольно сжала ручку сумки, в которой

лежала та самая шоколадка «Киндер». Боже, какой позор.

В центре комнаты, в инвалидном кресле из углепластика, сидел мужчина. Никакого

«мальчика». Передо мной был широкоплечий гигант с лицом, которое могло бы

принадлежать кинозвезде, если бы не печать страдания и злобы, исказившая

черты. Темные волосы были всклокочены, на щеках — трехдневная щетина. Но

самое страшное — это глаза. Черные, бездонные, в кото-

рых плескалась такая

ненависть к миру, что мне захотелось отступить на шаг.

Его торс, обтянутый тонкой черной футболкой, бугрился мышцами — результат

отчаянных попыток компенсировать неподвижность ног силой рук.

— Макар, это Лидия. Твой новый... ассистент, — Елена Степановна специально

избегала слова «сиделка».

Макар медленно повернул голову в мою сторону. Его взгляд прошелся по мне, как

скальпель по коже. — Новая жертва? — он усмехнулся, и эта усмешка была похожа

на оскал. — Симпатичная. Но пахнет от неё как от бездомной кошки. И глаза... такие

же испуганные. Мама, где ты их находишь? В очередях за бесплатным супом?

— Макар! — резко оборвала его мать.

— А что? Посмотри на её сумку. Она пришла сюда от отчаяния, а не от большой

любви к медицине.

Он резко крутанул колеса кресла, подъезжая ко мне вплотную. Я почувствовала

запах его парфюма — древесный, терпкий, смешанный с чем-то горьким. — Ну

что, Лидочка? Будешь выносить за мной судно и читать сказки на ночь? А

знаешь, что я сделал с прошлой? Она попыталась меня погладить по голове, и

я сломал ей палец.

Я сглотнула. Шок медленно сменялся профессиональной злостью. Этот человек

пытался меня запугать. Он выстраивал стену из хамства, чтобы никто не

увидел его слабости. Стандартная реакция при тяжелых травмах у сильных

личностей. Агрессия как форма защиты.

Я медленно опустила сумку на пол. — Во-первых, я врач.

И заставлять меня

выносить судно — это неэффективное использование моих ресурсов, —

сказала я, стараясь, чтобы голос был максимально сухим.
— Во-вторых,

сказки я не читаю. Я предпочитаю медицинские справочники. А в-третьих...

Я достала из кармана ту самую шоколадку. — Тетя Валя сказала, что здесь

«мальчик». Я ошиблась с диагнозом и возрастом.

Я положила шоколадку на столик рядом с ним. — Можете съесть её. Глюкоза полезна

для мозга. Возможно, вы станете чуть менее невыносимым.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Елена Степановна за моей спиной, кажется,

перестала дышать. Макар смотрел на шоколадку так, будто это была ручная

граната.

Затем он поднял взгляд на меня. В его глазах что-то изменилось. Ненависть никуда

не ушла, но к ней добавилось любопытство. Хищное, недоброе любопытство.

— Ты смелая, — прошипел он. — Или просто очень голодная.

Он внезапно схватил шоколадку и с силой швырнул её в сторону окна. Тонкий

пластик ударился о стекло и упал на пол. — Убирайся.

— Лидия, пройдемте обратно в кабинет, — быстро сказала Елена Степановна, беря

меня за локоть.

Когда мы вышли и дверь закрылась, я услышала, как в комнате снова взревела

музыка.

— Вы не ушли сразу, — Елена Степановна внимательно смотрела на меня. — Это

прогресс. Обычно они выбегают после первой же фразы.

— Он не болен, — сказала я, поправляя сумку. — Он ранен. И он хочет, чтобы всем

вокруг было так же больно, как ему. Это классика, Елена Степановна.

— Вы беретесь за работу? Оклад в три раза выше рыночного. Проживание здесь.

Выходные — по согласованию. Но вы должны быть рядом 24 на 7.

Я вспомнила мамину хрущевку, заблокированную карту и смех Инны в моей спальне.

Здесь было страшно. Здесь был Макар, который ненавидел меня просто за то, что

я могу ходить. Но здесь была возможность вернуть себе жизнь.

— Я согласна, — сказала я. — Но у меня есть условие.

— Какое?

— Я не просто сиделка. Я его лечащий врач. И если я скажу, что ему нужно делать

упражнение, он будет его делать, даже если захочет меня убить. И вы не будете

вмешиваться.

Елена Степановна долго смотрела на меня, а затем протянула руку. Её ладонь была

холодной и твердой. — Договорились. Вещи можете перевезти сегодня вечером.

Когда я выходила из дома, я обернулась. В окне второго этажа, там, где была комната Макара, я увидела силуэт. Он стоял... нет, он

сидел у самого стекла, и мне показалось, что он смотрит прямо на меня. В

этот момент на мой телефон пришло сообщение с незнакомого номера: «Зря ты

осталась, Лидочка. Я тебя сломаю быстрее, чем свой позвоночник». Я

почувствовала, как по спине пробежал холодок. Макар уже начал свою

игру.

Глава 4

Вечер окрасил «Золотой поселок» в багровые тона заката, превращая стеклянные

фасады особняков в листы раскаленного металла. Мой чемодан, тот самый, весом

в двенадцать килограммов горького опыта, нелепо смотрелся в багажнике черного

«Мерседеса», который Елена Степановна прислала за мной к маминому дому.

Мама провожала меня со слезами, в которых мешались облегчение и тревога. Она всё

еще надеялась, что это лишь временная «ссылка», после которой я вернусь к Гене.

Она не понимала: мосты не просто сожжены — они подорваны вместе с фундаментом.

Когда машина въехала на территорию поместья Громо-вых, сумерки уже окончательно

поглотили сад. Особняк светился изнутри, как огромный

ледяной фонарь. В этот

раз меня не вели через парадную гостиную. Экономка, которую, как выяснилось,

звали Мартой — сухопарая женщина с лицом, лишенным возраста и эмоций — провела

меня через боковую дверь прямо в жилое крыло.
— Это ваша комната, — Марта открыла дверь в помещение, примыкающее к спальне

Макара. — Между вашими комнатами есть общая дверь. Она должна быть всегда

приоткрыта, чтобы вы слышали каждый звук. Макар Дмитриевич плохо спит.

Моя новая «келья» оказалась верхом лаконичного люкса. Светлые стены, кровать с

ортопедическим матрасом, рабочий стол и — о боги! — отдельная ванная комната с

подогреваемым полом. После маминой хрущевки это должно было казаться раем, но я

чувствовала себя как подопытное животное, которому предоставили улучшенные

условия в обмен на участие в смертельно опасном эксперименте.

Я бросила сумку на кровать. В тишине дома внезапно раздался грохот, а затем звук

бьющегося стекла. Сердце моментально подскочило к горлу, профессиональный

рефлекс сработал быстрее мысли. Я рванула смежной двери, на ходу

надевая белый халат, который стал моей броней.

В комнате Макара царил полумрак, разбавляемый только синим свечением нескольких

мониторов. Запах табака стал еще гуще. Макар сидел в своем кресле у окна. На

полу у его ног лежали осколки массивного хрустального стакана. Тёмное пятно

жидкости — кажется, виски — медленно расползлось по дорожному ковру.

— Зашла без стука, — констатировал он, не поворачивая головы. Его голос в

темноте казался еще глубже. — Первый минус в карму, доктор.

— Я слышала шум. Моя работа — реагировать на нештатные ситуации, — я зашла в

комнату, стараясь не наступать на осколки. — Алкоголь и ваши препараты

несовместимы, Макар Дмитриевич. Если вы решили покончить с собой таким

примитивным способом, то это займет слишком много времени и будет

сопровождаться крайне неприятной тошнотой.

Он резко крутанул кресло. В свете монитора его лицо казалось высеченным из

камня. Взгляд — колючий, тяжелый, обещающий неприятности.

— Не читай мне лекции. Ты здесь, потому что маме нужно успокоить свою совесть.

Ты — дорогая плацебо для её чувства вины. И раз уж ты теперь моя... «тень»,

давай проясним кое-что.

Он подъехал ближе. Я заставила себя не отступить.

— Я не «мальчик» после аварии, Лидочка. Я мужчина, чьи ноги превратились в

бесполезное мясо, но всё остальное у меня работает отлично. Особенно мозг.

И этот мозг говорит мне, что ты — просто очередная охотница за легкими деньгами.

Сколько тебе пообещала мать? Миллион за терпение?

— Мне пообещали зарплату за квалифицированную медицинскую помощь, — ответила я,

скрестив руки на груди. — И пока что я вижу пациента, который ведет себя как

капризный подросток, скрывая за агрессией элементарный страх.

Макар прищурился. В его глазах вспыхнул опасный огонек. — Страх? Ты думаешь, я

боюсь? Чего? Что я не смогу убежать, если дом загорится?
Или что девушки

перестанут смотреть на меня с вожделением?
Он внезапно протянул руку и с силой перехватил мое запястье. Его пальцы были

жесткими, горячими и удивительно сильными. — Посмотри на меня, доктор.

Видишь это? — он кивнул на свои ноги, укрытые тяжелым пледом. — Там ничего

нет. Пустота. Тишина. Как будто нижнюю половину моего тела похоронили заживо. И

ты думаешь, что твои массажи и таблетки что-то изменят?
— Я думаю, что пока вы живы, у вас есть шанс, — я попыталась высвободить руку,

но он держал крепко. — А ваша агрессия — это просто способ почувствовать себя

живым. Вам нравится причинять боль другим, потому что это единственное, что вы

всё еще можете контролировать.

Макар медленно разжал пальцы. На моем запястье остались красные следы. — Ты

слишком много на себя берешь. Иди к себе. Завтра в семь утра я жду завтрак.

И упаси тебя бог принести мне овсянку на воде.

Я развернулась, чтобы уйти, но остановилась у самой двери. — Кстати, о вашем

сообщении. О том, что вы меня сломаете.

Он замер, глядя на свои руки. — Я не пишу сообщений незнакомым женщинам, доктор.

У меня для этого есть секретарь. Или галлюцинации.

Я нахмурилась. Если это был не он, то кто? Елена Степановна? Маловероятно.

Геннадий? Он не знал, куда я устроилась. Тетя Валя? Бред.

Я вернулась в свою комнату и плотно прикрыла дверь, оставив лишь узкую щель, как

и велела Марта. Руки всё же немного дрожали. Макар Громов был не просто сложным

пациентом. Он был разрушительной стихией.

Я села за стол и открыла медицинскую карту, которую мне выдала Марта перед

уходом. Изучение снимков МРТ заняло около часа. Как я и подозревала,

ситуация была неоднозначной. Перелом грудного отдела, сильный отек, но

полного разрыва спинного мозга на снимках я не видела. Была компрессия, были

гематомы, но... почему он не восстанавливается? Прошло полгода. При его ресурсах и

молодости прогресс должен быть очевидным.

В коридоре слышались тихие шаги. Я замерла. В щель двери я увидела Елену

Степановну. Она шла не к себе, а в комнату сына. Я прислушалась.

— Макар, ты снова пил? — голос матери был полон скрытого страдания. — Оставь

меня, мама. Твоя новая кукла уже провела инспекцию. Она забавная. Думает,

что сможет меня вылечить. — Она лучший специалист из тех, кого мы могли найти

анонимно. Макар, ты должен стараться. Скоро совет директоров, Вадим давит, он

хочет забрать проект моста... — Пусть забирает! — раздался крик Макара, а затем

звук чего-то падающего. — Мне плевать на мосты, мама! Я не могу дойти даже до

туалета без посторонней помощи, о каких чертежах ты говоришь?! Уйди!

Дверь хлопнула. Я слышала, как Елена Степановна несколько минут стояла в

коридоре, тяжело дыша, а затем ушла.

В доме воцарилась тишина, нарушаемая только тиканьем часов и далеким гулом

системы вентиляции. Я легла на кровать, не раздеваясь. Сон не шел. Я

думала о Макаре, о его сильных руках и мертвых ногах.
И о том сообщении в

моем телефоне.

Около трех часов ночи я услышала странный звук из его комнаты. Это не был крик.

Скорее, приглушенный стон, переходящий в хрип.

Я вскочила и бросилась к нему. В комнате было темно, но я увидела, что Макар

сполз с кровати и лежал на полу, запутавшись в простынях. Его тело была

крупная дрожь.

— Макар! Что случилось? — я опустилась рядом с ним на колени. — Уйди... — выдохнул

он, сцепляя зубы так, что послышался скрежет. — Спазм... Ноги...

Я поняла сразу. Фантомные боли или сильная спастика. Я быстро нащупала его пульс

— он зашкаливал. — Посмотрите на меня, Макар! Дышите! Глубокий вдох, задержите...

медленный выдох.

Я начала быстро, но осторожно массировать его бедра, пытаюсь расслабить

скрученные судорогой мышцы. Мои руки работали автоматически. В какой-то

момент он перехватил мою руку, вцепляясь в ладонь с такой силой, что хрустнули

суставы. Но на этот раз это не было актом агрессии. Это был жест утопающего.

— Тише, тише... Я здесь. Сейчас отпустит, — шептала я, продолжая массаж другой

рукой.

Мы провели так около двадцати минут. Когда судорога наконец отступила, Макар

обмяк. Он лежал на ковре, тяжело дыша, его футболка была насквозь мокрой от

пота. В слабом свете луны, пробивавшемся сквозь щель в шторах, его лицо

казалось белым, как мел.

Я помогла ему подняться, используя все свои знания механики тела, чтобы

пересадить этого тяжелого мужчину обратно на кровать. Он не

сопротивлялся. Он был полностью истощен.

Когда я укрыла его одеялом, он внезапно открыл глаза. В них больше не было

злости. Только бесконечная, выжигающая нутро усталость. — Почему ты не

позвала Марту? Или охрану? — спросил он едва слышно. — Потому что я ваш

врач. И это — наша интимная медицинская тайна, Макар Дмитриевич. Мужчины

вашего типа не любят, когда их видят слабыми.

Он промолчал, отворачиваясь к стене. Я уже собиралась уходить, когда заметила на

прикроватной тумбочке его планшет. Экран вспыхнул от уведомления.

Я не хотела подглядывать, но имя отправителя заставило меня похолодеть.

«Геннадий».

Текст сообщения гласил: «Надеюсь, твоя новая сиделка отрабатывает свои деньги

так же хорошо, как она отрабатывала их в моей постели. Береги её, Макар. Она

любит богатых калек».

Я замерла, чувствуя, как внутри всё покрывается инеем. Мой бывший муж и мой

новый пациент были знакомы. И это не было случайностью. Это был капкан,

челюсти которого только что сомкнулись на моей шее.

Я посмотрела на Макара. Он не видел сообщения — он уже

провалился в тяжелый, болезненный сон. Но я поняла: мое появление в этом

доме было частью какой-то грязной игры, где я — лишь разменная монета. И

самое страшное — я не знала, на чьей стороне в этой игре
Макар Громов. На

стороне своего «друга» Геннадия или на своей собственной?
В тишине комнаты

мой телефон снова завибрировал. «Первая ночь прошла
успешно? Не забудь

проверить тормоза на коляске, Лидочка. Смерть пациента
— это конец

карьеры».

Глава 5(Макар)

(от лица Макара)

Пробуждение всегда было самой паршивой частью моих суток. Оно напоминало

медленное погружение в ледяную воду: сначала ты не чувствуешь ничего,

кроме блаженного оцепенения сна, а затем реальность впивается в кожу тысячами

раскаленных игл. Первым делом я всегда проверял пальцы рук. Сжимал кулаки до

белых костяшек, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Живой. Сверху я все

еще был чертовым Макаром Грозовым, человеком, который заставлял бетонные заводы

работать в три смены, а конкурентов — глотать пыль на обочине.

А потом взгляд неизбежно падал ниже. Туда, где под тяжелым шелковым одеялом

угадывались контуры моих ног. Две неподвижные колонны из костей и мяса,

которые больше не принадлежали мне. Они были как чужие вещи, подброшенные в

мою кровать. Я мог смотреть на них часами, прикасаться, даже бить — тишина.

Абсолютная, оглушительная тишина в ответ.

В комнате пахло озоном от работающего очистителя воздуха и едва уловимо — тем

самым горьким антисептиком, которым Марта заливала каждый угол. Но сегодня к

этой стерильной симфонии примешался новый аккорд. Едва заметный, почти

призрачный запах чего-то простого. Холодная вода, дегтярное мыло и...

немного хвои?

Я повернул голову. Она была здесь.

Доктор Лидия. Тридцатилетняя разведенка с глазами, в

которых усталости было

больше, чем в отделении хосписа. Она сидела в кресле у окна, листая

какой-то планшет. На ней был всё тот же белый халат, наглухо застегнутый,

словно рыцарский доспех. В утреннем свете, пробивающемся сквозь щели в жалюзи,

она казалась почти прозрачной.

Вчерашняя ночь всплыла в памяти рваными кусками. Боль. Та самая, фантомная,

которая выкручивает суставы, которых ты не чувствуешь. Я помнил, как сполз

на пол, как задыхался от собственного бессилия, и как её руки — неожиданно

сильные и уверенные — впились в мои мышцы. Она не звала на помощь. Она не

кудахтала надо мной, как мать. Она просто делала свою работу.

И это бесило меня больше всего.

— Ты всё ещё здесь, — мой голос прозвучал как скрежет железа по камню.

Лидия не вздрогнула. Она медленно подняла взгляд от планшета, и я снова увидел

это — спокойствие. Профессиональное, выверенное, ледяное спокойствие, которое

я так хотел разбить вдребезги.

— Доброе утро, Макар Дмитриевич. Моя смена длится двадцать четыре на семь, если

вы забыли. Как ваше самочувствие? Спазмы повторялись?

Я попытался сесть, опираясь на локти. Мышцы спины и рук отзывались привычным

напряжением. Я был силен сверху — я изнурял себя гантелями до кровавых

мозолей, надеясь, что эта сила когда-нибудь «протечет» вниз, за черту

онемения. Но чудо не случилось.

— Моё самочувствие — не твоя забота, — я перехватил край одеяла, натягивая его

выше. Ненавижу, когда они смотрят на мои ноги. Даже если это врач. Особенно

если это врач. — Твоя задача — вовремя менять мне ка-
пельницы и не

отсвечивать.

— Моя задача — вернуть вам хотя бы минимум автоном-
ности, — она встала и подошла

к кровати. — И для начала мы уберем из рациона виски.
Разбитый стакан вчера —

это был ваш последний перформанс.

Я усмехнулся, глядя на неё снизу вверх. — Ты думаешь,
что если ты подержала меня

за ногу ночью, то теперь имеешь право голоса? Ты здесь
из-за денег, Лида. Твоя

подруга и муж знатно почистили твои карманы. Ты — на-
емник. Так что стой на

своём посту и молчи.

Она замерла. Я видел, как на её бледной шее дернулась

жилка. Попал. Я знал, что

информация о Геннадии — её слабое место. Мужчины вроде меня чувствуют чужую боль за

версту, это помогает в бизнесе. И в психологических попытках тоже.

— Геннадий — это мое прошлое, — произнесла она ровно, хотя в глазах на секунду

полыхнуло что-то живое. Гнев? Боль? — А ваше будущее — это либо инвалидная

коляска до конца дней, либо мучительный труд. Я предпочитаю второе.

Она подошла к тумбочке, где лежал мой планшет. Тот самый, на который ночью

пришло сообщение от Гены. Я видел его. Я прочитал каждое слово. «Она любит

богатых калек».

Геннадий всегда был скользким типом. Мы пересекались на паре тендеров, и я

помнил его манеру вести дела — улыбаться в лицо и

красть чертежи из сейфа.

Если эта женщина прожила с ним восемь лет, значит, она либо такая же, как он,

либо круглая дура. Ни то, ни другое мне не подходило.

— Твой бывший муж прислал мне весточку, — я кивнул на гаджет. — Предупредил, что

ты — дорогая игрушка с дефектом. Сказал, что ты любишь деньги. Сколько он тебе

зadolжал, Лида? Миллион? Два? Назови сумму, и я выпишу тебе чек прямо сейчас,

только избавь меня от своего присутствия.

Лидия медленно взяла планшет в руки. Прочитала. Я ждал, что она покраснеет,

начнет оправдываться или, что еще лучше, расплатится. Но она лишь слегка

склонила голову набок, изучая текст.

— Геннадий всегда отличался богатой фантазией, когда дело касалось оправдания

собственной подлости, — она положила планшет экраном вниз. — Но у меня для

вас новость, Макар. Я не продаюсь. И ваш чек не заставит мои ноги ходить за

вас. Так что оставьте свои дешевые приемы для совета директоров. Сейчас семь

пятнадцать. Пора переодеваться и завтракать.

— Я не буду завтракать с тобой.

— Верно. Вы будете завтракать со мной и Мартой. А потом у нас первый сеанс

массажа и электромиостимуляции.

Я почувствовал, как внутри закипает ярость. Эта женщина была как стена.

Холодная, гладкая стена, о которую я раз за разом разбивал свои кулаки.

— Ты думаешь, что ты особенная? — я подался вперед, сокращая расстояние между

нами. Теперь я чувствовал её запах отчетливо — это был запах свежего снега. —

До тебя здесь было десять таких же «спасительниц». Одна продержалась три часа,

другая — неделю. Все они ушли, обливаясь слезами, потому что я — чудовище. Я

превращу каждый твой день здесь в пытку. Я буду издеваться над твоим

профессионализмом, над твоей внешностью, над твоим прошлым. Я заставлю

тебя ненавидеть тот день, когда ты решила переступить порог этого дома.

Лидия посмотрела мне прямо в глаза. В её зрачках я увидел свое отражение —

обросший, злой, запертый в золотой клетке мужчина.
— Макар Дмитриевич, — её голос стал тихим, почти нежным, отчего у меня по спине

пробежал неприятный холодок. — После того, как я восемь лет лечила людей в

государственной больнице, где на одного врача сорок пациентов и один

тонометр на всё отделение... После того, как я увидела своего мужа в

постели с подругой... Вы думаете, что ваш скверный характер может меня

напугать?

Она вдруг протянула руку и поправила воротник моей футболки. Жест был настолько

будничным и лишенным трепета, что я на секунду онемел.
— Вы не чудовище. Вы просто напуганный человек, который боится, что без своего

гнева он превратится в пустое место. А теперь — руки за голову. Я буду

помогать вам пересаживаться в кресло.

Я хотел оттолкнуть её. Хотел закричать, чтобы она не смела меня трогать. Но в

этот момент дверь открылась, и в комнату вошла Марта с подносом. Запах

овсянки и черного кофе наполнил пространство, оконча-

тельно убивая

атмосферу моей маленькой войны.

— Макар Дмитриевич, Елена Степановна просила напомнить, что в одиннадцать

приедет адвокат, — монотонно произнесла экономка, ставя поднос на столик.

Она даже не посмотрела на нас. Для Марты я был мебелью, которую нужно вовремя

чистить и за которой нужно присматривать.

— Уйдите обе, — выдохнул я, закрывая глаза.

— Марта, помогите мне, — проигнорировала меня Лидия. — Макару Дмитриевичу нужно

освежиться перед визитом адвоката.

Следующие полчаса были унижением, которое я научился переносить, отключая

сознание. Чужие руки касались моей кожи, переодевали, обмывали,

пересаживали. Я превращался в манекен. Но Лидия... она делала это иначе.

Её движения не были безгловыми, как у некоторых прежних сиделок, и не были

чрезмерно нежными. Она действовала с хирургической точностью.

Когда меня наконец усадили в кресло и поставили передо мной завтрак, Лидия села

напротив. Она не ела. Она просто смотрела на меня, записывая что-то в своем

блокноте.

— Почему ты не ушла ночью? — спросил я, ковыряя ложкой кашу. — Ты видела меня в

самом жалком состоянии. Ты могла бы просто вызвать охрану и сказать, что я

неадекватен.

— Потому что тогда вы бы окончательно уверились в том, что вы — монстр, —

ответила она, не поднимая глаз от записей. — А мне нужно, чтобы вы

поверили, что вы — мой пациент. С пациентами проще.

Их можно вылечить.

— Меня нельзя вылечить, — я с силой сжал ложку. — Снимки МРТ не врут.

— Снимки — нет. А люди — постоянно, — она наконец подняла взгляд. — В вашей

карте есть странности, Макар. Отек должен был спасть три месяца назад.

Проводимость нервных импульсов, судя по ночным спазмам, сохранена. Но вы не

двигаетесь.

— И что это значит по-твоему? Что я симулирую?

— Это значит, что что-то блокирует ваше восстановление. И я выясню, что именно.

Даже если мне придется вытрясти из вас всю душу.

Я посмотрел на неё и впервые за полгода почувствовал не только ярость, но и

слабый, едва уловимый укол интереса. Эта женщина была опасна. Не потому,

что она могла причинить мне вред, а потому, что она была единственной, кто не

побоялся заглянуть в бездну моей ненависти и потребовать от неё ответа.

— Три дня, Лида, — я подался вперед, чувствуя, как внутри просыпается азарт

охотника. — Даю тебе три дня. Если через семьдесят два часа ты не соберешь

вещи сама — я признаю, что ты достойный противник. Но предупреждаю: я буду

играть грязно.

— Я принимаю вызов, — она закрыла блокнот с сухим щелчком. — А теперь ешьте

кашу. Нам пора приступать к электрофорезу.

Я смотрел на её тонкие пальцы, на строгую линию губ и думал о том, что Геннадий

— полный идиот. Такую женщину нельзя было менять на Инну. Такую женщину можно

было только сломать или... подчиниться ей.

Второе было не в моих правилах.

За окном слышался шум подъезжающего автомобиля.

Адвокат. Или очередные

стервятники из совета директоров. Я почувствовал, как мышцы плеч снова

каменеют. Лидия заметила это. Она встала, подошла к окну и плотнее задернула

штору, отсекая лишний свет.

— Не позволяйте им видеть вашу неуверенность, — бросила она через плечо. — Для

них вы всё еще Громов.

— А для тебя? — сорвалось у меня с губ прежде, чем я успел подумать.

Она остановилась у двери, на секунду обернувшись. В полумраке комнаты её силуэт

казался почти мистическим, словно она была не человеком, а видением, призванным

напомнить мне о жизни.

— А для меня вы — работа, которую я намерена выполнить безупречно.

Она вышла, и я остался один в тишине, нарушаемой только гулом вентиляции. Три

дня. Слишком много. Я сломаю её быстрее. Или она действительно вытрясет из

меня душу раньше, чем я успею заметить.

Я посмотрел на свои руки. Они всё ещё сжимали ложку так сильно, что она начала

гнуться. «Ну что ж, доктор... Посмотрим, чья броня окажется крепче».

Глава 6

Свет в этом доме был слишком правильным. Он падал под выверенными углами,

подсвечивая дорогую инкрустацию на паркете и заставляя антикварные вазы

отбрасывать длинные, почти театральные тени. Я проснулась за полчаса до

будильника. Сон в «золотой клетке» Громовых был чутким, прерывистым, как

у солдата в карауле. Стоило Макару во сне задеть подушку или тяжело вздохнуть,

я уже сидела в кровати, прислушиваясь к шороху через приоткрытую дверь.

Приняв ледяной душ, я облачилась в свежий халат. Ткань хрустнула под пальцами —

крахмальная броня, мой единственный щит. Сегодня начинался мой первый настоящий

день в качестве «диктатора в белом».

Прежде чем идти к пациенту, я зашла в процедурный кабинет, примыкающий к его

спальне. Вчера я лишь мельком осмотрела шкаф с медикаментами, но теперь

пришло время полной ревизии. Я открыла стеклянную дверцу. Ровные ряды

ампул, заграничные коробки, блистеры. Мои пальцы скользили по этикеткам.

Диазепам. Феназепам. Тяжелые нейрорептики. Список продолжался, и с каждой новой

коробкой мои брови ползли всё выше. Здесь было достаточно седативных средств,

чтобы усыпить небольшое стадо слонов.

— Что вы здесь ищете, Лидия Алексеевна? — голос Марты заставил меня обернуться.

Экономка стояла в дверях, держа в руках стопку идеально отглаженных полотенец.

Её лицо, как всегда, напоминало маску, вырезанную из сухого дерева.

— Провожу инвентаризацию, Марта. Кто составлял этот план лечения? — я указала на

полку с препаратами. — Здесь дозировки, которые превратили бы в овощ даже

здорового мужчину.

— Предыдущие медсестры следовали рекомендациям врачей из клиники, — ровно

ответила она. — Макар Дмитриевич бывает очень... беспокоен. Эти лекарства

помогали поддерживать порядок в доме.

— Эти лекарства помогали медсестрам лениться, — отрезала я. — Они просто

выключали ему сознание, чтобы не слушать его криков и не заниматься

реабилитацией.

Я взяла две коробки самых сильных седативных и подошла к раковине.

— Что вы делаете? — в голосе Марты впервые прорезалась тень эмоции. Тревога?

— Утилизирую мусор, — я вскрыла первый блистер. Таб-

летки с сухим стуком

посыпались в слив. — С сегодняшнего дня Макар Дмитриевич будет

находиться в ясном сознании. Нам нужна его воля, а не химическая кома.

— Елена Степановна этого не одобрит. Он будет в ярости. Он разнесет комнату.

— Пусть разносит. Это лучше, чем гнить заживо в тумане нейролептиков. Если

хозяйка спросит — скажите, что это распоряжение лечащего врача.

Я закончила с «казнью» препаратов и вымыла руки. Внутри всё дрожало от осознания

того, какую бурю я сейчас спровоцировала, но отступить было поздно. В медицине,

как и в жизни, иногда нужно вскрыть нарыв, чтобы рана начала затягиваться.

В спальню Макара я вошла ровно в семь тридцать. Он уже проснулся. Сидел в

кресле, глядя в окно на серую мглу октябрьского сада. В

руках — чашка

остывшего кофе. На нем была серая футболка, подчеркивающая разворот плеч,

но в линии спины читалась та самая обреченность, которую я видела вчера.

— Где моя утренняя доза, доктор? — спросил он, не оборачиваясь. — Марта обычно

приносит её в это время. Маленькая синяя таблетка — мой единственный пропуск в

мир, где мне не хочется убивать.

— Маленьких синих таблеток больше не будет, Макар Дмитриевич, — я подошла к окну

и резким движением раздвинула шторы.

Свет ударил в комнату, заставив его зажмуриться. Он медленно повернул голову.

Глаза были красными от бессонницы, лицо — осунувшимся.

— Ты о чем? — прошипел он.

— О том, что ваш мозг слишком долго находился на каникулах. Мы переходим на

витамины, ноотропы и физиотерапию. Мне нужно, чтобы вы чувствовали свои

мышцы. Даже если это будет больно.

Макар поставил чашку на столик. Его руки заметно подрагивали — типичный

абстинентный синдром на фоне отмены седативных.

— Ты... ты их выбросила? — он начал осознавать. — Ты, мелкая пиявка, решила, что

можешь лишить меня единственного способа не сойти с ума?

Он крутанул колеса кресла, сокращая расстояние между нами. В его взгляде

вспыхнуло то самое «чудовище», о котором он предупреждал.

— Я врач, а не дилер, Макар. Вы наняли меня, чтобы я вас лечила. Сонливость —

враг реабилитации. Сейчас мы позавтракаем, а через час — первый сеанс

гимнастики.

— Вон! — его крик был похож на рык раненого зверя. — Пошла вон из этой комнаты!

Я не буду делать никакую гимнастику! Ты не имеешь права!

Он сорвал со столика пустую чашку и швырнул её в стену рядом со мной. Фарфор

разлетелся на тысячи осколков. Один из них задел мою щеку, оставив тонкую

царапину. Я даже не моргнула.

— Право мне дала ваша мать и ваш контракт, — мой голос был тихим и холодным, как

медицинская сталь. — Вы можете бить посуду, можете кричать, можете ненавидеть

меня. Но пока я здесь, вы будете выполнять мои распоряжения. Потому что

альтернатива — это пролежни, атрофия и смерть в сорок лет от застойной

пневмонии. Вы этого хотите, Макар Дмитриевич? Хотите, чтобы Геннадий пришел

на ваши похороны и посмеялся над тем, как быстро вы сдались?

Упоминание Геннадия подействовало как удар током. Макар замер. Его грудь тяжело

вздымалась под тонкой тканью футболки. Ярость в его глазах столкнулась с чем-то

другим — с первобытным, злым азартом.

— Ты... ты играешь грязно, Лида. Ты думаешь, что если ты знаешь мои слабые места,

то ты победила?

— Я не играю, я лечу. И сейчас ваш первый завтрак без химии. Овсянка с орехами и

черникой. Ешьте.

Я поставила перед ним поднос, который Марта оставила на тумбочке. Макар смотрел

на тарелку так, будто там лежал яд.

— Я не притронусь к этому.

— Значит, останетесь голодным до обеда. А сеанс мио-стимуляции мы всё равно

проведем. Слабость — не оправдание.

Я развернулась и пошла к двери.

— У тебя кровь на лице, — бросил он мне в спину. В его голосе не было

сочувствия, только констатация факта.

Я коснулась пальцами щеки. На подушечках остался алый след. — Мелкие издержки

профессии, — ответила я, не оборачиваясь. — Через час я вернусь с

оборудованием. Подготовьтесь.

Выйдя в коридор, я прислонилась спиной к холодной стене. Сердце колотилось в

ребра, как пойманная птица. Боже, на что я подписалась? Этот мужчина был не

просто пациентом. Он был черной дырой, которая засасывала в себя любые попытки

света.

В холле я столкнулась с Еленой Степановной. Она была в деловом костюме, идеально

причесанная, пахнущая дорогим парфюмом и властью.

— Лидия? Что у вас с лицом? И почему в комнате Макара такой шум?

— Мы устанавливаем границы, Елена Степановна, — я выпрямилась. — Я отменила ряд

препаратов. Вашему сыну нужно вернуться в реальный мир. Это болезненный

процесс.

Хозяйка дома нахмурилась. Её глаза сузились. — Марта сказала, что вы уничтожили

лекарства. Вы понимаете, что он может стать неуправляемым? Его отец... он тоже

был таким. Вспыльчивым, неконтролируемым. Макар — его копия.

— Вспыльчивость — это признак жизни, — парировала я. — Управляемый пациент — это

овощ. Вы нанимали меня не для того, чтобы я поливала грядку. Если вы мне не

доверяете — я могу уйти прямо сейчас.

Елена Степановна долго изучала мое лицо. Её взгляд за-

держивался на царапине, на

моих сцепленных руках. — Работайте, Лидия. Но если он навредит себе или вам...

ответственность будет на вас.

Она ушла, стуча каблуками по мрамору. Я же вернулась в процедурный кабинет.

Нужно было подготовить аппарат для стимуляции мышц. Мои руки действовали

уверенно, но в голове крутились слова Макара. «Я превращу каждый твой день в

пытку».

Через час я вошла к нему снова. Он не притронулся к овсянке. Сидел в той же

позе, глядя в окно.

— Время пришло, — я вкатила стойку с аппаратом.

— Я сказал — нет.

— Я не спрашивала вашего согласия. Ложитесь на кровать. Сами или мне позвать

охрану, чтобы они вас переложили? Это будет унижитель-

но, Макар. Не для меня

— для вас.

Он медленно повернул голову. Его взгляд был тяжелым, как свинец. — Ты

действительно думаешь, что я позволю тебе прикасаться к моим ногам

этими железками?

— Это не железки, это электроды. Они заставят ваши мышцы сокращаться. Мы вернем

им тонус.

Макар молчал несколько секунд, а потом вдруг усмехнулся. — Ладно. Давай.

Посмотрим, как ты запоешь, когда поймешь, что всё это бесполезно. Но

учти, Лидочка... если я не почувствую ничего, кроме холода этой комнаты, ты

сегодня же отправишься обратно к своей маме.

Он перебрался на кровать с неожиданной ловкостью. Его верхняя часть тела была в

отличной форме, каждое движение рук было отточенным и мощным. Когда он

откинулся на подушки, я подошла ближе.

Я приподняла край его шорт, чтобы закрепить электроды на бедрах. Мои пальцы

коснулись его кожи. Она была горячей, несмотря на его неподвижность. Я

почувствовала, как Макар напрягся. Его дыхание стало прерывистым.

— Холодная, — выдохнул он. — У тебя руки как у покойника.

— Это от антисептика, — спокойно ответила я, фиксируя датчики. — Сейчас будет

легкое покалывание. Сообщайте о любых ощущениях.

Я включила прибор. На экране побежали кривые импульсов. Мышцы бедра Макара

начали едва заметно сокращаться под воздействием тока. Это было

механическое движение, не зависящее от его воли.

Я внимательно следила за его лицом. Он смотрел на свои ноги с таким выражением,

будто это были чужеродные объекты. Боль, надежда, отчаяние — всё это мелькало в

его глазах, прежде чем он снова надел маску безразличия.
— Ничего, — сказал он через пять минут. — Я чувствую только то, как ты давишь

пальцем на колено. Снизу — тишина.
— Мы только начали. Это процесс не одного дня.
— Это безнадежно, Лида. Ты просто тратишь время моей матери. И свое тоже. Иди

домой. К Геннадию. Он, наверное, уже соскучился по твоим лекциям.

— Геннадий сейчас занят Инной. А я занята вами. Работаем еще десять минут.

В этот момент в комнату заглянула Марта. — Лидия Алексеевна, там... к вам

приехали. Какой-то мужчина. Сказал, что он ваш муж и что у него для вас

важные новости.

Я замерла. Провод от аппарата чуть не выскользнул из рук. Геннадий. Здесь?

Откуда он узнал?

Макар мгновенно оживился. В его глазах вспыхнул недобрый огонек. — О, кажется,

твое прошлое решило напомнить о себе. Марта, пригласи господина... как его там?

Геннадия? Пусть зайдет. Мне интересно посмотреть на человека, который бросил

такого «ценного специалиста».

— Нет! — резко сказала я. — Макар Дмитриевич, у нас сеанс. Марта, скажите, что я

занята.

— Но он сказал, что это касается вашей матери! — добавила экономка. — Что ей

стало плохо.

Сердце пропустило удар. Мама. Гипертония. Вчерашний стресс от моего ухода...

— Лида, иди, — Макар усмехнулся, и в этой усмешке была неприкрытая жестокость. —

Спасай маму. А я пока полежу здесь, привязанный к твоей шарманке. Только не

забудь — если ты сейчас выйдешь, наш уговор аннулируется. Ты уходишь

навсегда.

Я посмотрела на Макара. Он наслаждался моментом. Он видел мою слабость и с

упоеанием давил на неё. Затем я посмотрела на Марту. Что-то в её взгляде

показалось мне странным. Слишком застывшим.

Я сделала глубокий вдох. Профессиональный цинизм, который я взращивала годами,

пришел на помощь. Если бы маме было действительно плохо, Геннадий вызвал бы

скорую, а не ехал бы на Новую Ригу. Он манипулирует. Снова.

— Марта, — я вернулась к аппарату, — передайте моему бывшему мужу, что если с

моей матерью что-то случится, я подам на него в суд за неоказание помощи. А

сейчас я занята лечением пациента. Охрана может проводить его до ворот.

Макар замер. Усмешка медленно сползла с его лица. Он смотрел на меня так, будто

видел впервые.

— Ты... ты не пойдешь? — в его голосе прозвучало искреннее удивление.

— Сеанс заканчивается через шесть минут, Макар Дмитриевич. Не отвлекайтесь.

Старайтесь мысленно послать сигнал в правую ногу. Прямо сейчас.

Я видела, как он сжал челюсти. В комнате повисла тишина, нарушаемая только

мерным писком прибора. Геннадий был там, за дверью, или уже у ворот — мне

было плевать. В этот момент существовала только эта комната, этот невыносимый

мужчина и моя работа.

Когда я наконец выключила аппарат и сняла электроды, Макар был полностью

истощен. Пот катился по его вискам.

— Ты сумасшедшая, — прошептал он. — Ты действительно променяла его на это?

— Я променяла ложь на работу, — ответила я, собирая провода. — Отдыхайте. Обед

через два часа. И я проверю, съели ли вы кашу.

Я вышла из комнаты, чувствуя, как мелко дрожат колени. В холле было пусто.

Геннадия и след простыл. Охрана сработала быстро.

Я зашла в свою комнату и упала на кровать, не снимая халата. На тумбочке

завибрировал телефон. Смс от незнакомого номера. Снова. «Смело, Лидочка.

Но ты не можешь защищать его вечно. Скоро Макар сам попросит тебя уйти. Когда

узнает, кто на самом деле оплатил твой приезд в этот дом».

Я почувствовала, как по коже пополз холод. Тетя Валя?

Елена Степановна? Или...

Макар был прав, и всё это — часть игры, о которой я не имею представления?

В этот момент из-за стены донесся звук. Макар... он запел. Тихим, хриплым голосом

он напевал какую-то старую рок-балладу. В этом пении было столько горечи и

силы, что у меня перехватило дыхание.

Он не сдался. Он просто начал новую войну. И я была в самом её эпицентре.

Глава 7

Вечер в особняке Громовых наступал как неизбежный диагноз — холодный, серый и

окончательный. После визита Геннадия дом казался мне еще более огромным и

пустым. Я сидела в своей комнате, уставившись в экран телефона. Сообщение о

том, что кто-то «оплатил мой приезд», жгло глаза. В голове, привыкшей к четким

логическим цепочкам, всё путалось. Если Геннадий знал, где я, и если он как-то

связан с этой вакансией... нет, бред. Он слишком мелок для интриг такого уровня.

Или я просто плохо его знала все эти восемь лет?

Я переоделась в пижаму и накинула сверху фланелевый халат. В этом крыле дома

было зябко — Макар требовал, чтобы кондиционер рабо-

тал на полную мощность,

превращая его спальню в филиал арктической станции.

Я легла, но сон не шел. Я слушала.

Дом жил своей механической жизнью: едва слышно гудели вентиляционные шахты,

где-то в глубине коридоров тикали напольные часы, изредка похрустывали

перекрытия. Но из-за смежной двери не доносилось ни звука. Макар затих

после того, как я выставила Геннадия. Его пение — хриплое, надрывное —

прекратилось так же резко, как и началось, оставив после себя звенящую

пустоту.

Около двух часов ночи я услышала это.

Сначала тихий, прерывистый вдох, будто кто-то пытается поймать воздух ртом.

Затем — глухой удар, как если бы тяжелый предмет ударился о матрас. Я

подскочила на кровати, не раздумывая ни секунды. Халат, тапочки, фонарик.

Я вошла в комнату Макара без стука. В темноте, разбавляемой лишь синими

индикаторами медицинского оборудования, я увидела его силуэт. Он не

спал. Он метался по кровати, насколько позволяло ему обездвиженное тело. Его

руки вцепились в спинку кровати так, что сталь, казалось, вот-вот прогнется.

— Макар? — я подошла ближе, включая неяркий ночник.

Он не ответил. Его челюсти были сцеплены так плотно, что на скулах вздулись

желваки. Лицо, белое в свете лампы, было залито потом. Майка прилипла к

груди, подчеркивая каждый напряженный мускул.

— Уйди... — вытолкнул он сквозь зубы. Каждое слово давалось ему с трудом. — Не

смей... смотреть.

Я проигнорировала его протест. Я видела это тысячи раз в палатах интенсивной

терапии. Посттравматическая спастика. Мышцы, лишённые контроля со стороны

мозга, начинали жить своей безумной жизнью, сокращаясь до судорог. Но у

Макара всё было сложнее. Его тело бунтовало против неподвижности.

Я откинула одеяло. Его ноги, обычно безвольные, сейчас были напряжены как

натянутые струны. Стопы выгнуты в неестественном спазме.

— Макар, дышите. Медленно. Со мной, — я положила руки на его бедра.

— Не трогай! — он попытался оттолкнуть мою руку, но его движения были дикими,

нескоординированными. — Это... невыносимо. Как будто... калёным железом...

— Я знаю. Я здесь, — я не убирала рук. Мои ладони, разогретые моим собственным

теплом, начали медленно и глубоко массировать мышцы, пытаясь «обмануть»

нервную систему. — Это просто спазм. Сейчас отпустит. Он издал звук, похожий на подавленный всхлип, и его голова откинулась на

подушки.

— Почему... так больно? — прохрипел он. — Врачи говорили... что я ничего не должен

чувствовать. Что там... пустота.

— Врачи ошибались, — ответила я, усиливая нажим. — Пустоты не бывает. Нервы

пытаются достучаться до центра, но сигнал искажается. Это значит, что они

живы, Макар. Слышите? Они живы.

Он вдруг перехватил мою ладонь. Его пальцы, длинные и мозолистые от тренировок,

сжали мои пальцы с такой силой, что я едва не вскрикнула. Но я терпела. Ему

сейчас было нужнее за что-то держаться.

— Не уходи, — это было сказано так тихо, что я засомневалась, не послышалось ли

мне.

— Я никуда не уйду.

Я присела на край его кровати, продолжая свободной рукой растирать его ноги. В

комнате пахло потом и соленым привкусом страха. Макар закрыл глаза. Его

дыхание постепенно выравнивалось, становясь менее рваным. Спазм медленно

отступал, оставляя после себя лишь дрожь в мышцах.

Мы сидели так около получаса. Я — в своем простом фланелевом халате, с

растрепанными после сна волосами, и он — некогда успешный, властный

мужчина, а сейчас — просто человек, сражающийся со своей собственной плотью.

В этот момент не было Елены Степановны, не было Геннадия, не было моих долгов и

его миллионов. Были только врач и пациент. И эта странная, пугающая близость,

которая всегда возникает там, где пахнет болью.

Его рука в моей руке начала расслабляться. Я осторожно попыталась высвободить

пальцы, но он не отпускал.

— Расскажи что-нибудь, — попросил он. Его голос теперь звучал глухо, как из

глубокого колодца.

— Что рассказать? — удивилась я. — Про анатомию? Или про то, как правильно

заполнять журналы учета наркотических средств?

— Нет. Про себя. Почему ты стала врачом? Только не ври про призвание и помощь

людям. Я этого наслушался.

Я вздохнула, глядя в окно, где за стеклом бушевал октябрьский ветер. — Мой отец

умирал долго. Рак легких. Мне было четырнадцать. Я видела, как врачи приходили,

смотрели на него как на списанный инвентарь и уходили, выписывая очередную

пустышку. Я тогда решила, что никогда не буду так смотреть на людей. Что я

буду знать, как помочь. Или хотя бы как быть рядом, когда помочь нельзя.

Макар открыл глаза. Его взгляд, обычно колючий и насмешливый, сейчас был

затуманен. — А Геннадий? Как он вписался в эту теорию спасения?

— Геннадий был моим «здоровым» миром. Он был ярким, уверенным, он обещал мне

семью и дом, где не будет пахнуть лекарствами. Я влюбилась не в него, а в ту

иллюзию нормальности, которую он мне продал. А когда иллюзия лопнула... оказалось,

что под ней ничего нет.

— Мы все продаем иллюзии, Лида, — Макар наконец отпустил мою руку. — Я продавал

мосты, которые никогда не рухнут. А в итоге рухнул сам. Самый надежный проект в

моей жизни оказался бракованным.

Он отвернулся к стене. Я поправила ему одеяло.

— Вам нужно поспать. Завтра будет тяжелый день. Мы увеличим нагрузку на

тренажерах.

— Ты садист, доктор, — беззлобно проворчал он, закрывая глаза.

Я уже почти дошла до двери, когда услышала его голос снова. Но это был не

разговор. Это был полусонный бред. Макар проваливался в забытие, и его

сознание начало блуждать по закоулкам памяти.

— Катя... — прошептал он. — Катя, не уходи. Тормоза... я не успел...

Я замерла у порога. Катя? Кто это? Жена? Любовница? Та самая женщина, чье имя он

шептал вчера? И что значит «тормоза»?

Я обернулась. Макар уже спал, его лицо разгладилось,

приобретая черты того

молодого, успешного мужчины, которым он был до аварии. В этом спокойствии

он казался удивительно красивым и... беззащитным.

Я вернулась в свою комнату, но сесть на кровать не смогла. Я подошла к окну.

Внизу, у ворот поселка, я увидела свет фар. Машина стояла там несколько

минут, а затем медленно развернулась и уехала. Геннадий? Или кто-то другой?

Я вспомнила текст сообщения: «Она любит богатых калек». Геннадий не мог этого

написать. При всей его подлости, он не был идиотом. Он знал, что я врач, и

знал, что я уйду, если узнаю о его вмешательстве. Тогда кто? Кто-то, кто

хочет рассорить меня с Макаром? Или кто-то, кто хочет, чтобы Макар никогда

не встал на ноги?

Я посмотрела на свои ладони. Они всё еще хранили жар его тела.

В эту ночь я поняла две вещи. Первая: Макар Громов — не монстр. Он — человек,

который несет в себе тайну, куда более страшную, чем его травма. И вторая: я

не смогу остаться просто врачом. Грань уже была пройдена в тот момент, когда я

сжала его руку в темноте.

Я легла в постель, прислушиваясь к его ровному дыханию через щель в двери.

Октябрь за окном выл как раненый зверь, но здесь, в этом стерильном мире,

стало чуть теплее.

Перед самым рассветом я услышала, как в коридоре тихо

скрипнула половица. Это была не Марта — у неё была легкая, парящая походка.

Это был кто-то тяжелее. Я затаила дыхание, глядя на двер-

ную ручку. Она медленно

повернулась, но дверь была заперта на защелку. Тот, кто стоял по ту сторону,

постоял минуту, а затем так же тихо ушел. Утром, выйдя из комнаты, я нашла на

полу у двери маленькую засохшую ветку ели. Точно такую же, как те, что росли в

лесу за территорией поселка, где, по словам охраны, «посторонним вход

воспрещен».

Глава 8

Рассвет за окнами особняка Громовых не принес облегчения. Небо, затянутое

низкими, набухшими от влаги тучами, казалось грязным полотном, которое

кто-то небрежно набросил на верхушки сосен. Я подняла с пола засохшую еловую

ветку. Колючая, серая от пыли, она выглядела в стерильном коридоре как

инородное тело, как злой умысел, облеченный в древесину. Кто принес её

сюда? Охрана? Марта? Или Макар действительно бродит по ночам, имитируя немощь?

Последняя мысль была безумной. Я видела его ноги. Я чувствовала атрофию мышц,

слышала хруст суставов, которые не знали нагрузки месяцами. И всё же ветка

была реальной. Я спрятала её в карман халата.

Макар проснулся в дурном расположении духа. Ночная слабость, когда он сжимал мою

руку, как спасательный круг, была забыта. Теперь он снова выстроил свои

баррикады.

— Ты сегодня медлительная, доктор, — бросил он, когда я ставила на его столик

поднос с завтраком. — Кофе пахнет пережженными зернами, а твои глаза —

невыспавшейся провинциалкой.

— Я спала три часа, Макар Дмитриевич. По вашей милости, если помните, — я

отодвинула штору, впуская в комнату унылый серый свет. — Как ваши ноги?

Чувствуете покалывание после ночного приступа?

— Я чувствую только желание, чтобы ты перестала задавать глупые вопросы.

Я не успела ответить. В кармане завибрировала рация —

её выдали мне вчера «для

экстренной связи с персоналом». Голос начальника охраны Ивана, обычно

невозмутимый, сейчас звучал напряженно.

— Лидия Алексеевна, спуститесь к центральным воротам. Здесь... посетитель.

Настаивает на встрече с вами. Говорит, вопрос жизни и смерти.

Сердце пропустило удар. Геннадий. Я знала это кожей, каждой порой, которая еще

помнила холод его предательства. Он не оставил бы меня в покое. Для него я

была собственностью, которая посмела уйти без разрешения.

Макар, внимательно следивший за моей реакцией, усмехнулся. — Кажется, твой

«принц на белом Мерседесе» решил повторить визит. Иди, Лида. Не заставляй

мужчину ждать. Вдруг он привез тебе документы на раз-

вод? Или букет извинений?

— Я разберусь с этим, — отрезала я. — Завтракайте. Это приказ врача.

Я почти бежала по длинным коридорам особняка. Мои шаги гулко отдавались от

мраморных стен. На крыльце меня ждал Иван — кряжистый мужчина с лицом,

похожим на старый башмак.

— Он у ворот, Лидия Алексеевна. Ведет себя нагло. Угрожает полицией и какими-то

проверками. Сказать, чтобы вышвырнули?

— Нет. Я сама.

Мы доехали до ворот на электрокаре. Геннадий стоял у кованой решетки, вцепившись

в неё пальцами. Его дорогое пальто было расстегнуто, галстук съехал набок. Он

выглядел как человек, который не спал ночь, но не от раскаяния, а от ярости.

— Открывай, Лида! — закричал он, увидев меня. — Ты думала, спрячешься за этот

забор? Ты думала, я позволю тебе профукать нашу клинику и счета?

Я вышла из машины и подошла к решетке. Между нами была сталь — холодная и

надежная.

— У нас нет ничего общего, Гена. Ни клиники, ни счетов. Ты сам это сказал два

дня назад. Ты заблокировал мои карты. Что тебе еще нужно?

— Ты подписала не те бумаги, дрянь! — он ударил кулаком по прутьям. — Твой

юрист, этот выскочка, подсунул мне на подпись отказ от доли в «Мединвесте».

Ты знала, что я не прочитаю мелкий шрифт! Ты меня обокрала!

Я смотрела на него и не узнавала. Где был тот обаятельный мужчина, за которого я

выходила замуж? Передо мной был мелкий хищник, у которого отобрали кусок мяса. О

каком юристе он говорил? У меня не было денег даже на

консультацию, не то что на

адвоката.

— Я ничего не подписывала, Гена. Уходи. Охрана вызовет полицию.

— Какая полиция?! — он зашелся в истерическом смехе.
— Ты хоть знаешь, на кого

ты работаешь? Громы — это ходячие мертвецы! Макар
— овощ, его мать —

банкрот. Ты пришла в тонущий дом, Лида! Верни мне документы, и я, так и

быть, не посажу тебя за мошенничество. У меня связи в министерстве, ты больше

ни в одну больницу судно выносить не устроишься!

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Он всегда умел это — лишать

меня опоры, заставляя верить, что без него я ничто.

— Она никуда не пойдет, — внезапно раздался голос.

Звук шел из динамиков системы оповещения, установленных на столбах ворот. Это

был голос Макара — но не тот хриплый шепот, который я слышала ночью. Это был

голос Громова. Властный, ледяной, пробирающий до костей.

Геннадий замер, оглядываясь.

— Кто это? Выходи, трус!

— Господин... как вас там? Савельев? — голос Макара звучал с легким оттенком

скуки. — Я наблюдаю за вами через камеру с пятидесятикратным зумом. У вас

очень некрасиво дергается левый глаз. Это признак дефицита магния или совести.

Лидия Алексеевна — мой лечащий врач. И любое посягательство на её спокойствие я

рассматриваю как диверсию против собственного здоровья.

— Ты... Громов? — Геннадий побледнел. — Слушай, это наши семейные дела...

— В моем доме нет «ваших» дел. Есть только мои. Иван, — обратился Макар к

начальнику охраны через динамик. — Передай господину Савельеву распечатку

его налоговых деклараций за последние три года. Ту самую, которую мои юристы

подготовили за последние полчаса. Там есть очень интересные расхождения с

реальностью. Думаю, налоговой полиции будет любопытно.

Иван, сохранив каменное лицо, протянул через решетку сложенный лист бумаги.

Геннадий выхватил его, пробежал глазами, и его лицо приобрело землистый

оттенок.

— Ты не имеешь права... это конфиденциальная информация!

— Я имею право на всё, что происходит на моей земле, — отчеканил Макар. — А

теперь убирайтесь. Если через две минуты ваша машина всё еще будет

загораживать мне вид на шоссе, я активирую протокол «незаконное

вторжение». И поверьте, ваши связи в министерстве не помогут вам

отмыться от того, что последует дальше.

Геннадий посмотрел на меня. В его взгляде была такая концентрированная

ненависть, что я невольно отшатнулась. Он не сказал больше ни слова.

Смял бумагу, бросил её в грязь и почти бегом бросился к своей машине. Скрип

шин — и ворота снова погрузились в тишину.

Я стояла, обняв себя за плечи. Меня трясло.

— Лидия Алексеевна, возвращайтесь в дом, — мягко сказал Иван. — Хозяин ждет вас.

Я ехала обратно, глядя на свои руки. Те самые руки, которыми я еще вчера

массировала ноги человеку, который только что раздавил моего бывшего

мужа одним телефонным звонком. Кем был Макар Громов? Беспомощным калекой или

пауком, который плетет свои сети даже из инвалидного кресла?

Я вошла в его спальню без предупреждения. Макар сидел в кресле, перед ним на

столике стояли три монитора, на которых отображались графики, таблицы и...

записи с камер у ворот.

— Вы за мной шпионили? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он медленно повернулся. В его глазах плясали искры торжества. — Я обеспечивал

безопасность периметра. Твой бывший — редкий экземпляр. Напыщенный, глупый и

патологически жадный. Как ты могла прожить с этим восемь лет, Лида? Ты ведь

врач. Ты должна была видеть патологию.

— Я любила его! — выкрикнула я, чувствуя, как слезы закипают в глазах. — Или

думала, что люблю. Какое вам дело?

— Мне есть дело до всего, что мешает моей реабилитации. Твои истерики мешают.

Твои мысли о нем — мешают. Теперь вопрос закрыт. Больше он здесь не появится.

Я подошла к нему вплотную. — Откуда у вас его декларации? Откуда юрист, который

якобы работал на меня?

Макар усмехнулся, и в этой усмешке была вся его суть — опасная и притягательная

одновременно. — У меня много ресурсов, Лида. Даже сидя в этом кресле, я могу

стереть человека в порошок, если он встанет у меня на пути. Считай это моим

«спасибо» за вчерашнюю ночь.

— Мне не нужны такие «спасибо»! — я ударила ладонями по подлокотникам его

кресла. — Я не нанималась к вам в должники! Я пришла лечить вас, а не

участвовать в ваших войнах!

Он внезапно перехватил мои запястья. Сильно. Так, что я оказалась лицом к лицу с

ним. — Ты уже в игре, Лида. С того момента, как переступила порог этого дома. И

если ты хочешь выжить, тебе придется научиться принимать мою защиту. Потому что

Геннадий — это мелкая сошка. Настоящие хищники еще даже не вышли из тени.

Он отпустил меня и кивнул на окно. — Посмотри на сад. Видишь ели у ограды?

Я вспомнила ветку в своем кармане. — Вижу. И что?

— Там кто-то был ночью. Охрана пропустила движение. Тот, кто принес тебе

подарок, знает этот дом лучше, чем я.

Я достала ветку из кармана и положила её на его столик. — Это нашли у моей

двери.

Макар посмотрел на ветку. Его лицо мгновенно стало серым. Он протянул руку,

коснулся сухих игл, и я увидела, как его пальцы дрогнули.
— Это из леса за озером, — прошептал он. — Там, где я разбился. Лида, эта ветка...

она была в машине в ту ночь. Катя держала её в руках. Она сказала, что это на

удачу.

В комнате стало невыносимо холодно. Я смотрела на сухую ветку и понимала:

Геннадий был лишь прелюдией. Настоящий ужас только начинался.

— Кто такая Катя? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Макар поднял на меня взгляд, полный такой невыносимой муки, что мне захотелось

закрыть глаза. — Катя — это женщина, которую я убил в ту ночь. И кажется, она

вернулась, чтобы закончить начатое.

В этот момент дверь в комнату распахнулась. На пороге

стояла Елена Степановна. Она была бледнее обычного, а в её руках была

зажата газета. — Макар... — её голос сорвался. — Вадим.
Его нашли в лесу. За

озером. Там же, где была авария. Я взглянула на газету.
Заголовок кричал:

«Загадочная смерть бизнес-партнера Громова. Ритуаль-
ный след?». Рядом с

телом на фото лежала такая же еловая ветка. Только све-
жая. И залитая кровью.

Глава 9

После вчерашних известий о смерти Вадима, привычный ритм особняка Громовых сломался в одиннадцать утра. До этого момента дом функционировал как дорогие швейцарские часы: бесшумно, точно и равнодушно.

Но сейчас этот выверенный механизм со скрежетом остановился.

Я находилась в процедурной, отмеряя дозировку миорелаксантов для вечернего

массажа, когда услышала звуки, немыслимые для этого места. Тяжелый топот

нескольких пар мужских ботинок по мрамору первого этажа. Резкие, хлопающие

звуки закрывающихся дверей. И голос Елены Степановны — обычно похожий на

гладкий шелк, сейчас он срывался на визгливые, неконтролируемые ноты.

Я поставила ампулу на металлический поднос и вышла в коридор.

Внизу, в парадном холле, царил хаос. Октябрьская слякоть с обуви незваных гостей

уже пачкала идеальный паркет. Трое мужчин в строгих, но мокрых от дождя пальто

стояли у лестницы. Полиция. Я узнала их по выправке и тяжелым взглядам,

сканирующим пространство. Чуть поодаль переминались с ноги на ногу двое в

деловых костюмах — судя по папкам в руках, адвокаты. Но мое внимание приковала Елена Степановна. Хозяйка дома сидела на краю

банкетки, вцепившись пальцами в обивку. Её лицо приобрело пугающий

пепельно-серый оттенок. Грудь ходила ходуном, она хватала воздух ртом, как

рыба, выброшенная на берег, но кислород явно не доходил до легких. Никто из

мужчин не знал, что делать — они просто нависали над

ней тяжелыми тенями.

Профессиональный инстинкт сработал быстрее, чем мозг успел оценить ситуацию. Я

сбежала по лестнице, на ходу расстегивая верхнюю пуговицу халата.

— Отойдите, — скомандовала я, вклиниваясь между полицейским и адвокатом. — Дайте

ей воздух.

Я опустила на колени перед Еленой Степановной. Классическая паническая атака,

помноженная на гипертонический криз. Если не купировать сейчас — через десять

минут мы получим инфаркт или инсульт.

— Елена Степановна, посмотрите на меня, — я перехватила её ледяные, дрожащие

руки.

Она не реагировала. Её зрачки были расширены, взгляд блуждал по лепнине на

потолке, а из горла вырывался сиплый свист.

— Лидия... — выдохнула она, и её пальцы сжали мои за-

пятью с такой силой, что

остались синяки. — Вадим... они нашли его. Озеро... мертв.

Адвокат за спиной кашлянул: — Госпожа Громова, вам нужно подписать согласие на

доступ к корпоративным счетам, пока совет директоров не...

— Замолчите! — я рывкнула так, что мужчина отшатнулся. — Елена Степановна,

смотрите только на меня. Игнорируйте их. Найдите пуговицу на моем халате.

Видите её?

Она судорожно кивнула, фокусируя обезумевший взгляд на уровне моей ключицы.

— Отлично. А теперь вдохните через нос. Раз, два, три, четыре. Держите воздух. И

медленный выдох через рот. Со мной. Вдох...

Потребовалось около четырех минут непрерывного зрительного контакта и ровного

счета, чтобы её грудная клетка перестала судорожно дер-

гаться. Я нащупала

пульс на её запястье — тахикардия всё ещё зашкаливала, но ритм начал

выравниваться.

Я повернула голову к Марте, которая застыла у колонны, напоминая соляной столб.

— Марта, принесите тонометр из моего кабинета. И стакан воды с двадцатью

каплями корвалола. Живо.

Когда хозяйка дома немного пришла в себя, я помогла ей подняться и усадила в

кресло в малой гостиной, подальше от посторонних глаз. Полицейский попытался

последовать за нами.

— Лейтенант, — я преградила ему путь, — моя пациентка в состоянии острого шока.

Любые допросы сейчас приведут к госпитализации. Дайте ей полчаса.

Оставив Елену Степановну на попечение экономки, я на-

правилась на второй этаж.

Вадим мертв. Человек, который держал в руках финансовые нити империи

Громовых, пока Макар был прикован к креслу, больше не существовал. Для

меня он был лишь неприятным типом с сальным взглядом, но для Макара... Для

Макара это означало, что его компания осталась без головы, а его враги

получили зеленый свет.

Я открыла дверь в его спальню.

Макар сидел перед своими мониторами, на которых транслировалось

изображение с камер в холле. На нем была простая черная футболка,

подчеркивающая ширину плеч, но его поза выдавала колоссальное

напряжение. Он был похож на сжатую пружину, готовую

лопнуть от

внутреннего давления.

— Ты откачала её? — спросил он, не поворачиваясь ко мне. Его голос был сухим,

лишенным любых эмоций, кроме глухой ярости.

— Пульс стабилизируется. Я дала седативное. Полиция ждет внизу.

Он ударил кулаком по столешнице. Мониторы жалобно звякнули. — Вадим. Этот идиот.

Я говорил ему не ездить на встречи без моей службы безопасности. Он возомнил

себя бессмертным.

Макар резко развернул кресло. Его лицо исказила гримаса такой концентрированной

боли и бессилия, что мне стало физически тяжело дышать. Это была боль не от

потери друга — это была боль генерала, чью армию вырезают, пока он сидит в

шатре со сломанным позвоночником.

— Они разорвут компанию, Лида, — прохрипел он, впиваясь пальцами в подлокотники.

— Совет директоров. Конкуренты. Адвокаты Вадима. Они слетятся сюда, как

стервятники. А я... — он посмотрел на свои ноги с отвращением, которое

граничило с ненавистью. — А я даже не могу спуститься по лестнице, чтобы

вышвырнуть их из своего дома!

Он схватил чашку с недопитым кофе и с силой швырнул её в стену. Керамика

брызнула осколками, темная жидкость стекла по дорогим обоям.

— Я овощ! — закричал он, и этот крик, полный отчаяния, отразился от стен. —

Кусок мяса, который они будут кормить с ложечки, пока делят мои деньги!

Он подался вперед, пытаясь встать, забыв о том, что мышцы его не держат. Его

тело дернулось, и он бы рухнул на пол, если бы я не бросилась к нему,

перехватывая поперек груди.

— Пусти! — он зарычал, пытаясь оттолкнуть меня. Его руки были невероятно

сильными, пальцы больно впились в мои плечи. — Не трогай меня! Я не

нуждаюсь в твоей жалости!

— У меня нет к вам жалости, Макар! — я повысила голос, удерживая его на месте

всем своим весом. — Жалость — это для тех, кто уже умер. А вы живы!

Он замер, тяжело дыша. Наши лица оказались в нескольких сантиметрах друг от

друга. Его глаза метали молнии, грудь вздымалась, обжигая меня жаром его

тела.

Я не отстранилась. Я смотрела прямо в этот бушующий темный омут.

— Вы злитесь, — мой голос стал тише, но жестче. — От-

лично. Злитесь. Ненавидьте

свои ноги, ненавидьте Вадима, ненавидьте совет директоров и меня. Но эта

ярость не должна уходить в разбитые чашки. Вы хотите вышвырнуть их из

своего дома? Так встаньте и сделайте это.

— Как?! — выплюнул он. — Силой мысли? Твоими дурацкими массажами?

— Силой вашей воли. У вас есть выбор, Макар. Либо вы продолжаете жалеть себя и

позволяете им разделить вас на куски, либо вы направляете эту злость в работу.

Прямо сейчас.

Я отпустила его плечи и отступила на шаг. — На кровать. Пересаживайтесь. Мы

увеличиваем нагрузку вдвое.

Макар смотрел на меня несколько секунд. Его ноздри раздувались. В этот момент мы

оба понимали, что грань пройдена. Я бросила ему вызов

не как врач, а как

человек, который отказывается видеть в нем инвалида.

Он сцепил зубы, оперся руками о подлокотники и одним мощным, яростным движением

перекинул свое тело на матрас.

— Давай свои ленты, — процедил он сквозь зубы. — Давай всё, что у тебя есть.

Следующие полтора часа превратились в ад. Я не жалела его. Я устанавливала

максимальное сопротивление на тренажерах, фиксировала его стопы,

заставляла вытягивать позвоночник до хруста.

Комната наполнилась запахом пота и разогретой кожи. Макар работал как проклятый.

Каждое движение сопровождалось глухим рычанием. Вены на его руках вздулись,

словно канаты, лицо заливал пот, но он не просил остановиться.

Я стояла рядом, контролируя каждое мышечное сокращение. Мои пальцы впивались в

его бедра, ища хотя бы малейший отклик глубоких мышц.
Я чувствовала, как его

тело борется с самим собой.

— Жмите, Макар. Отталкивайте мою руку. Не плечами, спиной! Передавайте импульс

ниже! — командовала я, наваливаясь всем весом на его колено, чтобы создать

сопротивление.

— Не могу... — прохрипел он, зажмурившись.

— Можете. Ваша империя горит. Хотите смотреть на пожар из окна? Жмите!

Он издал крик, в котором смешались боль и чистая, неразбавленная воля. И я

почувствовала это. Слабый, почти неуловимый, но абсолютно реальный толчок.

Его квадрицепс напрягся.

Мы замерли оба. Макар рухнул на подушки, тяжело дыша, его грудь ходила ходуном.

Я убрала руки, чувствуя, как мелко дрожат мои собствен-

ные пальцы.

Тишина в комнате нарушалась только нашим дыханием.

— Вы почувствовали? — тихо спросила я.

Макар медленно открыл глаза. В них больше не было слепой ярости. Там появилось

нечто гораздо более опасное — осознанность.

— Почувствовал, — выдохнул он. Он поднял руку и стер пот со лба. Затем посмотрел

на меня.

Его взгляд скользнул по моему лицу, по сбившемуся вороту халата, по тяжело

вздымающейся груди. Это не был взгляд сломленного человека. Это был взгляд

хищника, который только что понял, что клетка не заперта.

— Они думают, что я мертв, Лида, — проговорил он низким, бархатным голосом. —

Полиция, адвокаты, Вадим... Мой бывший партнер играл в свои игры. Но компания —

моя.

Он протянул руку и коснулся моего запястья. Его пальцы были влажными и горячими.

— Дай мне телефон. Тот, что в сейфе. И ноутбук.

Я принесла ему технику. Макар мгновенно преобразился. Его пальцы летали по

клавиатуре, он отдавал отрывистые, жесткие приказы кому-то на другом конце

линии. Он блокировал счета Вадима, переводил управление на своих доверенных

людей, отменял доверенности.

Я стояла у окна, наблюдая за ним. Генерал вернулся в свой шатер. Он всё еще не

мог ходить, но он снова мог править.

Закончив серию звонков, он закрыл ноутбук. В доме внизу по-прежнему шла возня,

но здесь, наверху, центр тяжести сместился.

— Спасибо, — вдруг сказал он.

Я обернулась. — За что? За то, что заставила вас потеть?

— За то, что не дала мне сожрать самого себя. — Макар смотрел на меня

пристально, так, что по коже побежали мурашки. — Моя мать предлагает

мне успокоительное. Бывшие друзья делят мое кресло. Твой Геннадий, уверен, уже

потирает руки в предвкушении куска пирога. А ты... ты заставляешь меня драться.

При упоминании Геннадия внутри шевельнулся неприятный холодок. Мой бывший муж

был связан с Вадимом. Смерть Вадима развязывала ему руки, или, наоборот,

загоняла в угол.

— Геннадий мне больше не муж, — сухо ответила я. — И он не получит ничего из

того, что принадлежит вам.

Макар усмехнулся. Жестко, без тени улыбки. — О, Лида. Он не получит не только

мое. Он потеряет всё свое. Я обещал тебе защиту. И я при-
вык держать слово.

В этот момент зазвонил мой телефон. Экран высветил

незнакомый номер, но я знала,

кто это. Сердце пропустило удар.

Я сбросила звонок, но следом пришло сообщение. «Твой инвалид скоро потеряет всё.

Возвращайся, пока не пошла ко дну вместе с ним. У меня есть для тебя

предложение. Гена.»

Я посмотрела на экран, чувствуя смесь отвращения и усталости. Макар безошибочно

прочитал мое выражение лица.

— Савельев? — уточнил он.

Я кивнула, убирая телефон в карман. — Пытается строить из себя спасителя.

Макар откинулся на подушки. В его карих глазах зажегся темный, недобрый огонь. —

Пусть строит. Чем выше он заберется в своих иллюзиях, тем больше ему будет

падать. А падать он начнет уже завтра.

Он снова взял меня за руку. На этот раз его хватка была мягкой, но в ней крылась

абсолютная собственническая уверенность. — Иди, переодейся, Лида. А потом

спустись вниз и скажи полиции, что Макар Громов готов дать показания. И

передай адвокатам Вадима, чтобы искали себе новую работу.

Я вышла из комнаты, чувствуя на своей коже тепло его пальцев. Статус «Свободна»

приобретал странные очертания. Я была свободна от прошлого, но всё крепче

привязывалась к этому невыносимому, сломанному, но такому живому мужчине.

И впервые в жизни меня это не пугало.

Глава 10(Макар)

(от лица Макара)

Власть никогда не пахла дорогим парфюмом или кожей министерских кресел.

Настоящая власть имела запах остывшего кофе, раскаленного пластика

серверов и чужого страха, сочащегося сквозь телефонную трубку.

Я сидел перед тремя мониторами, сливаясь с гулом процессора. Последние четыре

часа превратились в мясорубку. Смерть Вадима стала тем самым спусковым

крючком, которого ждали конкуренты, но они совершили одну фатальную

ошибку: они поверили медицинским отчетам. Они решили, что если Громов не

чувствует ног, значит, у него атрофировался и мозг.

— Роман, слушай меня очень внимательно, — я прижал

гарнитуру к уху, глядя на

бегущие строки финансовых сводок. Мой заместитель по безопасности молчал на

том конце провода, переваривая тот факт, что «мертвый босс» только что восстал

из пепла. — Все доверенности, выписанные Вадимом за последние шесть месяцев,

аннулировать. Отзывай подписи. Банкам передай, что в случае заморозки счетов

мы выводим зарплатные проекты.

— Макар Дмитриевич... — голос Романа дрогнул. — Совет директоров собирает

экстренное заседание завтра в полдень. Они хотят голосовать за передачу

управления антикризисному менеджеру. Семья Лаврентьевых давит на то, что вы

недееспособны.

— Пусть собирают. Я буду на связи. А пока они делают

шкуру неубитого медведя,

сделай мне одолжение, выходящее за рамки компании.

Я свернул окно с графиками акций и вывел на экран доску, которое запросил час

назад. С фотографии на меня смотрело самодовольное, гладкое лицо Геннадия

Савельева.

— Фирма «Мединвест», — сухо продолжил я. — Владелец Савельев. Мелкий перекупщик

медицинского оборудования и мебели, сидел на подрядах Вадима.

— Знаю такого. Скользкий тип, брал авансы, задерживал поставки. Мы терпели его

только из-за Лаврентьева.

— Больше не терпим. Перекрой ему кислород, Рома. Свяжись с нашими партнерами в

логистике, пусть его фуры встанут на таможне или в сервисах. Расторгни все

текущие договоры в одностороннем порядке, штрафы

оплатим из моего личного

резерва. Иницируй налоговую проверку — у него в декларациях дыр больше, чем

в швейцарском сыре. Я хочу, чтобы к концу недели этот человек не мог купить

себе даже чашку кофе без кредитной карты, которая будет заблокирована.

— Понял, Макар Дмитриевич. Сделаем красиво. За что он так провинился?

— Он тронул то, что принадлежит мне. Выполняй.

Я сбросил вызов и откинулся на спинку кресла. Гнев, который еще утром сжигал

меня изнутри, трансформировался в холодный, расчетливый фокус. Я снова

чувствовал себя хирургом, вырезающим опухоль из тела своего бизнеса. Но

самое странное заключалось в другом. Уничтожение Савельева приносило мне

гораздо больше удовлетворения, чем спасение собствен-

НЫХ МНОГОМИЛЛИОННЫХ

активов.

Дверь тихо открылась. Я даже не повернул головы, безошибочно узнавая её шаги. У

Лидии была особая походка — легкая, но удивительно твердая, без суеты.

Я наблюдал за ней через отражение в темном стекле выключенного бокового

монитора. Она вошла, неся в руках стопку чистых полотенец и какие-то

флаконы. Белый медицинский халат сидел на ней как униформа солдата, не

покинувшего окоп. Но сегодня эта броня дала трещину. Она выглядела измотанной. Под её глазами — теми самыми глазами цвета штормового

моря — залегли глубокие тени. Кожа казалась почти прозрачной, а линия плеч,

обычно идеально прямая, чуть опустилась под тяжестью последних суток.

Полиция, истерика моей матери, мои собственные срывы
— Лидия принимала

все удары на себя, служа буфером между мной и внешним миром.

Она поставила флаконы на столик и прикрыла глаза, массируя виски тонкими

пальцами. В этом жесте было столько хрупкости, что у меня внутри что-то

болезненно сжалось. Я привык видеть женщин, которые требовали заботы, денег,

внимания. Катя любила адреналин и роскошь. Другие любили статус. А эта

женщина с красным дипломом врача просто пришла в мой персональный ад и

начала молча выгребать из него угли голыми руками.
— Полиция уехала? — спросил я, разворачивая кресло к ней.

Она вздрогнула, резко открыв глаза и мгновенно возвращая на лицо маску

профессионального спокойствия. — Да. Следовательно побеседовал с Еленой

Степановной. Она держится. Я оставила ей легкое снотворное.

— А тебе кто оставит снотворное, Лида? — я кивнул на стул рядом с кроватью. —

Сядь. Ты стоишь так, будто у тебя в позвоночнике стальной лом.

— У меня по графику ваш вечерний массаж и растяжка, Макар Дмитриевич. Отдыхать

будем, когда вы начнете чувствовать стопы.

Она упрямо подошла к моей коляске. — Пересаживайтесь.

Я не стал спорить. Уперся руками в подлокотники и рывком перенес тело на матрас.

Мои мышцы спины и рук окрепли за последние недели адских тренировок, но контраст между

мощным торсом и мертвыми ногами всё еще вызывал у меня глухое отвращение к

самому себе.

Лидия стянула с меня футболку. Её пальцы, прохладные от антисептика, легли на

мои плечи. Раньше каждое её прикосновение вызывало у меня раздражение. Я

ненавидел быть объектом медицинских манипуляций. Но сейчас... сейчас всё

изменилось.

Я чувствовал, как её руки скользят вдоль моего позвоночника, разминая

спазмированные участки. В её движениях не было ни грамма брезгливости

или формальности. Она вкладывала в этот массаж всю свою силу, заставляя мою

кровь разгоняться по венам.

— Почему ты не ушла? — вдруг спросил я, глядя в стену перед собой. — Утром,

когда полиция была здесь. Твой бывший муж предлагал тебе выход. Ты могла бы

просто собрать свой чемодан и забыть этот дом как страшный сон.

Ее руки на секунду замерли на моей пояснице. — Я не бросаю недолеченных

пациентов, — ровно ответила она, возобновляя нажим. — И я не веду

переговоров с террористами. А Геннадий — именно террорист. Он питается

чужим страхом.

— Ты ведь знаешь, что Вадим мог быть убит? И что те, кто это сделал, могут

прийти сюда? Ты умная женщина, Лида. Ты не можешь не понимать рисков.

Она обошла кровать и встала передо мной. Её лицо находилось в полуметре от

моего. — Я понимаю риски, Макар. Но я также понимаю, что если я сейчас

сдамся и сбегу, то Геннадий окажется прав. Он сломал мою веру в семью. Я не

позволю ему сломать мою веру в себя как во врача.

Она перешла к ногам. Это была самая мучительная часть. Она сгибала мои колени,

вытягивала суставы, заставляя мышцы растягиваться. Мой мозг не чувствовал этой

боли напрямую, но тело реагировало. В пояснице вспыхнуло нечто похожее на разряд

тока — резкая, стреляющая боль, прошивающая спинной мозг. Корешковый синдром.

Нервы просыпались, и это пробуждение было похоже на пытку битым стеклом.

Я стиснул зубы так, что во рту появился металлический привкус крови. Я не издам

ни звука. Я не позволю ей увидеть мою слабость. Только не сегодня.

Лидия навалилась всем своим небольшим весом на мою голень, фиксируя её. Её грудь

тяжело вздымалась, прядь темных волос выбилась из идеального пучка и прилипла к

влажному лбу. Я смотрел на эту упрямую прядь, на её прикушенную нижнюю губу, и

меня накрыло осознанием, от которого перехватило дыхание.

Я уважал её. Бесконечно, до ломоты в костях. И я хотел её. Не как красивую

сиделку, скрашивающую одиночество калеки, а как женщину, равную мне по

силе духа.

— Ты сгоришь, Лида, — прохрипел я, глядя, как она с усилием разгибает мой

сустав. — Если будешь тащить на себе мою мать, мою реабилитацию и свои

собственные травмы. Человек не из титана.

— В титане образуются микротрещины от усталости металла. А живая ткань способна

к регенерации. Я восстановлюсь, — она подняла на меня глаза. — Жмите.

Сопровствляйтесь моей руке. Ну же!

Я закрыл глаза и сосредоточился. Вся моя ярость, вся ненависть к Вадиму,

Савельеву, к этому проклятому креслу сфокусировалась в одной точке. Я

представил, как отталкиваю её. Не физически, а ментально пробивая бетонную

стену блока в позвоночнике.

Боль вспыхнула снова, ярче сверхновой. Мои пальцы впились в матрас. Я зарычал,

забыв о своей клятве молчать.

И нога дернулась. Это было слабое, едва заметное движение, но мышца напряглась

под её ладонью, отвечая на сигнал.

Лидия выдохнула так, будто сама только что пробежала марафон. Она отпустила мою

ногу и опустилась на пол прямо рядом с кроватью, при-слонившись спиной к

тумбочке. Её руки бессильно упали на колени.

— Работает... — прошептала она, глядя на меня снизу вверх с такой сумасшедшей,

измученной улыбкой, что у меня защемило сердце. — Черт возьми, работает.

Я смотрел на неё, чувствуя, как по лицу катятся капли пота. Она сидела на полу,

в мятом халате, растрепанная, и была в эту секунду красивее всех женщин,

которых я когда-либо знал.

— Иди сюда, — хрипло позвал я.

Она подняла на меня вопросительный взгляд, но послушно поднялась и села на край

матраса.

Я протянул руку. Мои пальцы, грубые и тяжелые, легли на её шею, там, где билась

жилка. Она вздрогнула, но не отстранилась. Я медленно провел большим пальцем по

её скуле, стирая невидимую пыль усталости. Её кожа была горячей и мягкой.

В её глазах отразился испуг. Не передо мной — перед тем,

что происходило между

нами. Она была врачом, выстроившим глухую стену профессионализма, а я только

что пробил в ней брешь одним прикосновением.
— Макар... — её голос дрогнул. — Не надо.
— Чего не надо? — я чуть притянул её к себе. Расстояние между нами сократилось

до минимума. Я чувствовал запах её кожи — чистота, усталость и что-то

неуловимо сладкое. — Боишься, что Савельев был прав, и ты нарушаешь

этику?

— Я боюсь, что вы путаете благодарность пациента с чем-то другим. Это нормально

при тяжелых травмах. Перенос эмоций на того, кто заботится...

Я усмехнулся. Моя рука скользнула в её волосы, распуская строгий пучок. Темный

шелк рассыпался по её плечам, делая её внезапно домаш-

ней и беззащитной.

— Перестань ставить мне диагнозы, Лида. Я прекрасно отличаю благодарность от

желания присвоить женщину себе. И сейчас во мне говорит не пациент.

Она замерла. Её дыхание стало поверхностным. Губы были так близко, что мне

достаточно было податься вперед на пару сантиметров, чтобы стереть границу

между нами окончательно. Я видел, как она борется с собой. Как её тянет ко мне,

и как её прошлый опыт кричит об опасности.

Я не стал её целовать. Еще не время. Она должна прийти ко мне не из слабости, а

из силы.

Я медленно убрал руку с её шеи. — Иди спать, доктор. Завтра нам понадобятся все

силы. Потому что завтра я намерен встать у брусьев.

Она моргнула, словно выныривая из глубокого транса. Судорожно кивнула, вскочила

с кровати и почти бегом покинула комнату. Щелкнул замок смежной двери.

Я откинулся на подушки, глядя в потолок. В крови бушевал адреналин. Мои ноги всё

еще гудели от фантомной боли, но теперь это была боль жизни, а не гниения.

Мой взгляд упал на экран ноутбука, который всё еще светился на столике. В

мессенджере мигало новое сообщение от Романа.

«Савельев в панике. Ему заблокировали счета поставщиков. Он пытался прорваться к

Елене Степановне по телефону, кричал, что у него есть компромат на вашего врача,

который уничтожит её карьеру. Я приказал охране поселка не пускать его даже на

пушечный выстрел».

Я смотрел на эти строчки, и внутри меня поднималась ледяная, спокойная

уверенность хищника.

Геннадий думал, что он охотник. Он решил, что может использовать Лидию как рычаг

давления на меня. Но он не учел одного: Громы не защищаются. Громы

уничтожают угрозу на корню.

Я приподнялся на локтях и посмотрел на приоткрытую дверь, за которой спала

Лидия.

«Завтра я встану, — пообещал я себе. — Я встану на эти проклятые ноги, и тогда

посмотрим, чей компромат окажется тяжелее».

Ночь опустилась на особняк, укрывая его тайнами, но для меня тьма больше не была

убежищем. Она была временем подготовки к атаке. И первой целью в моем прицеле

был человек, который заставил плакать моего личного доктора.

Глава 11

Запах магнезии оседал на слизистой горьковатой пудрой.
Я растирала белый порошок

в ладонях, стоя посреди переоборудованной под спортзал
комнаты, и смотрела на

хромированные поручни параллельных брусьев. Сегодня
этот кусок металла должен

был стать для Макара либо пьедесталом, либо эшафотом.
Мои пальцы всё ещё помнили жар его кожи со вчерашнего
вечера. Ощущение его

тяжелой, мозолистой ладони на моей шее преследовало
меня всю ночь,

вплетаясь в тревожные, обрывочные сны. Я проснулась с
колотящимся

сердцем и странным чувством жажды, которую не могла
утолить холодная

вода. Врачебная этика, этот невидимый корсет, стягиваю-

щий мои ребра годами,

затрещал по швам от одного прикосновения пациента.

Тихий шелест шин по паркету вырвал меня из раздумий. Макар въехал в зал. На нем

были простые серые джоггеры и темная майка, плотно облегающая торс. Никаких

следов вчерашней усталости — только жесткая, почти агрессивная собранность.

Он выглядел как гладиатор перед выходом на арену, где трибуны пусты, а в ложе

императора сидит лишь его собственное уязвленное самолюбие.

— Ты скрипишь зубами, доктор, — произнес он, останавливая кресло в метре от

брусев. — С таким лицом не лечат. С таким лицом выносят приговор.

— Я мысленно просчитываю векторы нагрузки, Макар Дмитриевич, — я отряхнула руки

от лишней магнезии и шагнула к нему. — Ваша нервная

система вчера дала искру.

Сегодня мы попытаемся разжечь из неё огонь. Но предупреждаю: вертикализация —

это колоссальный стресс для сосудов. У вас может закружиться голова, может

упасть давление.

— Меньше лекций, Лида. Больше дела. Что от меня требуется?

Его голос звучал сухо, деловито. Он не напоминал о вчерашнем. Он вообще вел себя

так, будто между нами не проскочило то самое высоковольтное напряжение. И это

злило меня даже больше, чем если бы он отпускал двусмысленные шутки.

Я взяла широкий реабилитационный пояс из плотной кордуры с усиленными ручками на

спине. — Подайтесь вперед. Мне нужно зафиксировать страховку.

Макар послушно наклонился. Я шагнула вплотную к его коленям, обхватывая его

талию руками, чтобы застегнуть мощный фастекс у него на пояснице. Это была

сугубо техническая манипуляция, которую я проделывала сотни раз с другими

пациентами. Но сейчас, вдыхая запах его геля для душа и теплой кожи, я

поймала себя на том, что задерживаю дыхание. Моя щека находилась в опасной

близости от его ключицы.

Замок щелкнул с металлическим лязгом. В этот момент Макар резко выпрямился, и я,

не успев отстраниться, мазнула носом по его плечу.

— Дрожишь, — констатировал он тихо, глядя мне прямо в макушку.

— Это от напряжения. Пояс тугой, — я поспешно отступила на шаг, чувствуя, как

предательски горят щеки. — Подъезжайте вплотную к брусьям. Ставьте кресло на

тормоз.

Макар выполнил команду. Его руки, напоминающие переплетение стальных тросов под

кожей, легли на хромированные поручни. Костяшки побелели.

— Теперь слушайте меня. Я встану перед вами. Мои колени будут блокировать ваши,

чтобы суставы не подломились. Я возьмусь за ручки пояса. Вся тяговая сила —

ваша. Трицепсы, спина, плечи. Выжимайте себя вверх. Не пытайтесь сразу

включить ноги, они еще не готовы держать массу. Просто позвольте телу

вспомнить, что такое прямая линия. Готовы?

Он не ответил. Он смотрел на свои колени с таким выражением, будто собирался

заставить их подчиниться силой одной лишь ненависти.

Я встала между брусьями, уперлась своими коленями в его, создавая жесткий

физический барьер, и мертвой хваткой вцепилась в ручки пояса на его

пояснице. Мы оказались в плотном, почти интимном замке.

— На счет три, — скомандовала я. — Раз. Два. Три. Давай, Макар!

Он издал глухой, утробный рык. Звук человека, который рвет собственные

сухожилия. Его руки выпрямились, трицепсы вздулись, принимая на себя

вес восьмидесяти килограммов. Я тянула пояс на себя и вверх, компенсируя

нехватку баланса, чувствуя, как трещат мои собственные мышцы спины.

Миллиметр за миллиметром. Секунда за секундой.

Таз оторвался от подушки кресла. Тело Макара вытянулось. Мои колени приняли на

себя удар его непослушных ног, фиксируя их в прямом положении.

Мы замерли. Он стоял.

В комнате повисла оглушительная тишина, сквозь кото-

рую пробивался только

хриплый, прерывистый свист его дыхания. Макар висел на собственных руках

и моей страховке, но его позвоночник был прямым. Впервые с момента нашей встречи я смотрела на него снизу вверх. Разница в росте

оказалась колоссальной. В кресле он казался крупным, но сейчас, расправив

плечи, он нависал надо мной, как скала.
— Дыши, — прошептала я, потому что на крик не было сил. — Не запирай воздух.

Смотри прямо.
Макар медленно поднял голову. На его лбу блестели крупные капли пота, губы

побледнели, но в глазах полыхал такой дикий, первобытный триумф, что меня

обдало жаром. Он смотрел не на комнату. Он смотрел на меня.

— Я забыл... — его голос сорвался, он сглотнул и начал

заново: — Я забыл, какая ты

маленькая, Лида.

— Центр тяжести, Макар. Не отвлекайтесь, — я вцепилась в пояс так, что занемели

пальцы. Его бедра, прижатые к моим, мелко дрожали. Это была спастика, мышцы

бунтовали против непривычного положения, но они работали. Они были живыми.

— Я чувствую натяжение, — выдохнул он. — Там, где раньше был вакуум. В икрах.

Жжет, как кипятком.

— Это молочная кислота и нервные импульсы. Терпи. Еще десять секунд.

Он попытался перенести часть веса с рук на ноги. Это была ошибка — амбициозная,

безрассудная ошибка человека, который слишком быстро поверил в чудо.

Левое колено Макара внезапно подломилось. Блокировка моих ног не выдержала массы

падающего мужского тела. Его рука соскользнула с влаж-

ного от пота поручня.

— Держу! — крикнула я, рванув пояс на себя.

Но законы физики неумолимы. Гравитация победила. Мы рухнули вниз. Макар, даже в

момент падения, инстинктивно извернулся, чтобы не при-
давить меня к

металлическим стойкам брусьев. Мы рухнули на толстый
гимнастический

мат, расстеленный на полу.

Удар вышиб из моих легких воздух. Я оказалась на спине.
Макар навис надо мной,

опираясь на предплечья, его ноги безвольно переплелись
с моими. Ткань моего

халата задралась, обнажая бедро.

Я судорожно втянула воздух, пытаюсь сфокусировать зре-
ние. — Вы... вы целы? Головой

не ударились? — мой голос дрожал. Врач во мне паниче-
ски сканировал его на

предмет новых травм.

Но Макар не спешил перекатываться в сторону. Он замер, тяжело дыша. Его грудь

опускалась и поднималась в такт моему сбивчивому дыханию. Лицо находилось в

опасной, непозволительной близости. Я видела каждую темную ресничку, каждую

пору на его коже.

— Я цел, — хрипло ответил он.

Его взгляд медленно опустился на мои губы, которые я нервно облизала. Воздух

между нами стал густым, тяжелым, пропитанным адреналином и тем самым

электричеством, которое я пыталась игнорировать с первой нашей встречи.

— Макар, вам нужно вернуться в кресло, — я уперлась ладонями в его твердую

грудь, пытаясь создать хотя бы иллюзию дистанции. Но мои руки не

отталкивали его. Они просто лежали там, чувствуя бешен-

ный стук его

сердца.

— Ты лжешь себе, Лида, — прошептал он. Его голос обволакивал, проникал под кожу.

— Ты прячешься за своим белым халатом, как за броней. Думаешь, я не вижу? Твой

пульс сейчас двести ударов в минуту. И это не от испуга. Он убрал одну руку от мата и медленно, кончиками пальцев коснулся моей щеки.

Жест был почти невесомым, контрастирующим с его агрессивной силой. Пальцы

скользнули за ухо, зарываясь в волосы, разрушая остатки моей аккуратной

прически.

Меня бросило в жар. Все инстинкты кричали о том, что это неправильно, что это

нарушение всех возможных правил, что я не имею права так реагировать на

пациента. Но мое тело жило своей жизнью. Оно изголодалось по настоящей,

неприкрытой мужской силе. По человеку, который видит во мне не удобную

функцию, не «скучную разведенку», а женщину.

Макар склонился ниже. Его губы почти коснулись моих. Я закрыла глаза, чувствуя

его прерывистое дыхание, готовая сдаться этому моменту, этой гравитации,

которая тянула нас друг к другу гораздо сильнее, чем к земле.

Но в темноте закрытых век внезапно вспыхнуло лицо Геннадия. Вспомнилась чужая

помада на кружке. Вспомнилось то липкое чувство унижения, когда тебя

используют, а потом выбрасывают, как сломанную вещь. «Она любит богатых

калек», — всплыла в мозгу ядовитая строчка из того сообщения.

Если я поддамся сейчас — кем я стану? Очередной трофеей? Игрушка для

выздоровливающего босса, который просто проверяет, работают ли его

мужские чары из инвалидного кресла?

Паника, острая и холодная, ударила в голову.

Я резко отвернула лицо в сторону, упираясь двумя руками в его плечо и с силой

отталкивая. — Пустите! — мой голос сорвался, прозвучав резче и испуганнее,

чем я планировала.

Макар замер. Магия момента разбилась вдребезги. В его глазах мелькнуло

удивление, которое тут же сменилось жестким, понимающим прищуром. Он

перенес вес на руки и тяжело, с видимым усилием скатился с меня на мат,

ложась на спину и уставившись в потолок.

Я торопливо села, одергивая халат и поправляя волосы

дрожащими руками. —

Простите, — сухо сказала я, отползая на безопасное расстояние. — Это

была ошибка техники безопасности. Я не рассчитала вашу массу. Сейчас я

подгоню подъемник, мы вернем вас в кресло.

Макар коротко, зло рассмеялся. Смех отразился от стен реабилитационного зала. —

Ошибка техники безопасности. Какая блестящая формулировка, доктор. И как удобно

она прикрывает твой страх.

— Я не боюсь вас, — я встала на ноги, избегая смотреть на него, и покатила к

мату механический подъемник.

— Ты боишься не меня, Лида. Ты боишься себя. Твой бывший муж отлично поработал

над твоей самооценкой. Он внушил тебе, что ты достойна только стерильной

палаты. И как только кто-то предлагает тебе жизнь, ты бьешь по тормозам.

Его слова ударили точно в цель, вскрывая старую рану без всякой анестезии. Я

сжала ручки подъемника так, что побелели костяшки. —
Моя личная жизнь вас не

касается, Макар Дмитриевич. Давайте придерживаться протокола. Вы пациент. Я

врач. Точка.

Он не стал спорить. Позволил мне закрепить стропы, молча перенес процедуру

подъема и возвращения в кресло. Его лицо снова превратилось в каменную

маску, непроницаемую для чужих взглядов. Мы вернулись к заводским

настройкам. Но воздух между нами уже был отравлен невысказанным

желанием и моим страхом.

— Сеанс окончен, — я отвернулась, чтобы собрать ленты.

— Вам нужен отдых.

Вечером повторим, но без вертикализации. Только пассивная гимнастика.

Я не дождалась ответа. Резкий, противный звук радиации на моем поясе заставил меня

вздрагнуть.

Я нажала кнопку приема. — Лидия Алексеевна, это пост охраны, — голос Ивана

звучал напряженно, сквозь динамик пробивался шум автомобильных сигналов и

чьи-то крики на заднем фоне.

— Слушаю, Иван.

— У нас тут проблема у центральных ворот. Тут снова Ваш бывший муж, Савельев. Он

перегородил въезд своей машиной, орет, требует вас. Говорит, что

никуда не уедет, пока вы не выйдете. И... Лидия Алексеевна, он не один. С

ним какие-то люди с камерами, похоже на журналистов.

Кричит, что его жену

незаконно удерживают в доме Громовых.

У меня внутри всё оборвалось. Журналисты? Незаконное удержание? Геннадий пошел

ва-банк. Лишенный контрактов и зажатый в угол вчерашним приказом Макара, он

решил устроить публичный скандал. Для империи Громовых, которую сейчас и так

рвали на части стервятники после смерти Вадима, скандал с «похищением врача»

мог стать фатальным ударом по репутации.

Я посмотрела на Макара. Он слышал каждое слово. И его реакция была мгновенной.

Каменная маска треснула, уступая место холодной, расчетливой ярости хищника,

на территорию которого забрела бешеная собака.

— Лида, — его голос был тихим, но в нем звенела сталь.
— Подойди сюда.

Я сделала шаг к креслу. — Макар, я сама с ним разберусь.

Я выйду за ворота и...

— Ты никуда не пойдешь, — отрезал он. — Ты переступишь порог этого дома только

тогда, когда сама этого захочешь, а не когда эта мразь устроит цирк.

Он дотянулся до пульта управления на подлокотнике кресла и нажал кнопку

интеркома, связываясь напрямую с КПП. — Иван. Это Громов.

— Да, Макар Дмитриевич. Что прикажете делать? Полицию вызывать? Журналисты уже

камеры на штативы ставят.

— Никакой полиции. Открывай ворота.

Я ахнула. — Макар, вы сошли с ума! Он же прорвется на территорию!

Он посмотрел на меня, и уголок его губ дернулся в жесткой, беспощадной усмешке.

— Пусть прорывается. Иван, слушай приказ. Откройте ворота. Дайте ему въехать

на территорию. Как только его машина пересечет периметр — закрыть ворота

наглухо. Журналистов оставить снаружи.

— Понял вас. А с ним что делать?

— Ничего. Пропустите его машину к парадному входу. Я сам его встречу.

Макар отпустил кнопку и развернул кресло к выходу из зала. — Иди за мной,

доктор. Твой бывший муж хотел шоу. Мы дадим ему шоу, которое он не забудет

до конца своей жалкой жизни. И никто не посмеет сказать, что ты здесь пленница.

Он выкатился в коридор. Я смотрела ему вслед, чувствуя, как страх внутри меня

уступает место странному, пугающему восхищению. Я пряталась от Геннадия. А

Макар Громов, человек, который еще полчаса назад не мог устоять на ногах,

собирался раздавить его в открытом бою. И я пошла следом за ним.

Глава 12

Парадный холл особняка Громовых напоминал театральную сцену перед началом

третьего акта. Свет хрустальной люстры дробился в отражениях

полированного мрамора. За огромными панорамными окнами моросил

нудный октябрьский дождь, размывая контуры идеальных газонов.

Я стояла у подножия широкой лестницы, чувствуя, как мелко подрагивают пальцы,

спрятанные в карманы медицинского халата. Сердце колотилось в горле.

Врачебное хладнокровие, которое спасало меня в операционных, сейчас

отказывалось работать.

Рядом со мной, в своем высокотехнологичном кресле, замер Макар. Он не суетился,

не раздавал указаний. Он просто ждал. Его профиль на фоне серого света из окна

казался высеченным из камня. Жесткая линия челюсти, глубоко посаженные глаза, в

которых не было ни капли страха — только ледяной расчет хищника, к которому в

логово добровольно лезет добыча.

Звук мотора разорвал тишину. По гравийной дорожке к крыльцу подлетел черный

внедорожник. Резкий визг тормозов. Хлопнула дверца.

Иван, начальник охраны, стоял у стеклянных дверей, скрестив руки на груди. Он не

препятствовал. Как и было приказано.

Геннадий ворвался в холл, как ураган в посудную лавку. Его волосы были

растрепаны от ветра, пальто расстегнуто, а глаза лихорадочно блеснули.

Он выглядел измотанным, но эта измотанность только

распаляла его агрессию.

Увидев меня, он сделал резкий шаг вперед, тяжело ступая по мрамору

грязными ботинками.

— Лида! — его голос эхом прокатился под высокими потолками. — Собирай вещи! Мы

уезжаем! Я не позволю тебе губить себя в этом дурдоме! Я не шелохнулась. Сделала глубокий вдох, заставляя голос звучать ровно, без

истерики, которую он так жаждал услышать.

— Я никуда с тобой не поеду, Гена. И, если ты забыл, мы с тобой больше не семья.

Тебе стоит научиться стучать, прежде чем врываться в чужие дома.

— В чужие дома? — он истерично хохотнул, указывая пальцем на Макара. — В этот

склеп? Ты вообще знаешь, что тут происходит? Вадим мертв. Их компания летит в

тартарары. Этот... — он брезгливо кивнул на коляску, —

этот калека блокирует мои

счета! Мои! Из-за него у меня стоят фуры на таможне, а поставщики рвут

контракты! Ты думаешь, я позволю какой-то разведенке и паралитику

уничтожить мой бизнес?!

Слово «паралитик» резануло по ушам. Я дернулась вперед, готовая ответить,

защитить, ударить словами так, чтобы ему стало больно.

Но Макар опередил меня. Он не кричал. Он даже не повысил голоса.

— Добро пожаловать, господин Савельев, — произнес он с такой убийственной

вежливостью, что Геннадий осекся на полуслове. — Вы испачкали мне пол.

Марта, распорядитесь, чтобы позже здесь вымыли с хлоркой.

Геннадий побагровел. Он сделал еще один шаг к нам, но путь ему преградил Иван,

бесшумно выступивший из тени.

— Ты думаешь, что если ты сидишь на куче денег, то тебе всё можно, Громов?! —

взвизгнул мой бывший муж, пытаюсь обогнуть охранника.

— У меня за воротами

журналисты! Одно мое слово, и они напишут, что ты силой удерживаешь мою жену,

чтобы скрыть свои грязные дела после смерти партнера!

— Вашу бывшую жену, — поправил Макар, спокойно разглядывая Геннадия, как

энтомолог — неприятное насекомое. — И я никого не удерживаю. Лидия

Алексеевна — свободный человек. Более того, она высококвалифицированный

врач, чей контракт со мной прописан до запятой.

Макар чуть подался вперед в кресле. Его глаза сузились.
— А теперь о твоём

бизнесе, Савельев. Я не просто заблокировал твои счета. Я пустил на дно

твою жалкую конторку. Ты привык жить за счет чужих крошек, подбирая объедки с

моего стола через Вадима. Но Вадима больше нет. А ты совершил фатальную ошибку.

— Какую? — Геннадий скрипнул зубами, но в его глазах уже плескался страх. Он

начал понимать, что крики здесь не работают.

— Ты пришел в мой дом и попытался диктовать условия моей жёнщи... моему врачу, —

Макар запнулся лишь на долю секунды, но это слово повисло в воздухе, заставив

мое сердце пропустить удар. — Твои поставщики отменили контракты не потому, что

я им заплатил. А потому, что я пригрозил им разрывом отношений с холдингом

Громовых. Ты никто, Гена. И сегодня ты перестал существовать в финансовом

мире.

Геннадий перевел отчаянный взгляд на меня. — Лида...
Лида, ты слышишь, что он

несет?! Он сумасшедший! Он разорит нас! Скажи ему! Я
же твой муж! Мы восемь

лет прожили! Из-за одной ошибки ты готова пустить меня
по миру?!

Его голос сорвался в жалкий скулеж. Тот самый мужчина,
который выставил меня под

дождь с одним чемоданом, теперь просил защиты. Это бы-
ло жалкое, омерзительное

зрелище. Иллюзия, в которую я верила восемь лет, рассы-
палась в прах прямо на

этом грязном мраморном полу.

— Ошибка, Гена, это когда ты перепутал соль с сахаром,
— ответила я, чувствуя,

как холодная пустота внутри заполняется брезгливостью.
— А Инна в нашей

постели — это был выбор. Ты заблокировал мои карты,
ты оставил меня без

копейки. Ты прислал мне сообщение, что я люблю «богатых калек».

— Я ничего не писал! Лида, я просто хотел тебя вернуть! Он лгал. Я видела это по тому, как дернулся уголок его губ.

Макар, наблюдавший за этой сценой, вдруг издал короткий, жесткий смешок. —

Достаточно. Иван, выведи этот мусор. И передай охране на воротах: если

господин Савельев попытается дать интервью своим карманным журналистам,

предоставьте прессе копии документов из папки номер четыре. Там очень

подробно описано, как фирма «Мединвест» закупала списанные томографы и

продавала их в детские клиники под видом новых. Думаю, это будет гораздо

более сенсационный заголовок, чем байка про похищенную жену.

Геннадий побелел так, что стал сливаться со стенами. Его рот открывался и

закрывался, но звука не было. Он понял, что это конец. Не просто потеря

денег — это был риск уголовного дела.

Иван взял его за локоть. Хватка была профессиональной — не вырвешься. — На

выход.

Мой бывший муж не сопротивлялся. Он поник, сдулся, как проколотый шарик, и

позволил увести себя к дверям. Перед тем как выйти, он обернулся и

посмотрел на меня. В его взгляде больше не было ярости. Только тупая,

бессильная злоба загнанной крысы. Двери закрылись. В холле снова стало тихо.

Я закрыла лицо руками. Меня колотила крупная дрожь. Не от страха перед Геннадием

— от переизбытка адреналина. Всё закончилось. Тот, кто

был для меня целым миром,

оказался просто трусом.

Тихий скрип колес. Макар подъехал ко мне вплотную. Его рука легла на мое

запястье, мягко, но настойчиво отводя ладони от лица.

— Дыши, Лида, — произнес он тем самым бархатным голосом, который я слышала в

реабилитационном зале, когда мы упали на мат. — Он больше никогда к тебе не

прикоснется. Ни физически, ни финансово. Я стер его.

Я посмотрела на Макара сквозь пелену непролитых слез. — Зачем вы это сделали?

Зачем ввязались в эту грязь? Вы могли просто выгнать его. Зачем уничтожать?

— Потому что я не умею оставлять врагов за спиной, — он отпустил мою руку, но

его взгляд продолжал удерживать меня. — И потому что никто не имеет права

доводить тебя до слез. Кроме меня. Но я предпочитаю де-

лать это на

тренировках.

Я истерично всхлипнула, и этот звук перешел в нервный смех. Я смеялась, вытирая

глаза рукавом халата, чувствуя, как напряжение последних недель покидает мое

тело, оставляя после себя звенящую легкость.

Макар смотрел на меня, и уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. Настоящей. Не

хищной, не саркастичной, а искренней, теплой улыбки, от которой его лицо вдруг

помолодело, возвращая ему облик того парня с фотографии, которую мне

подкинули.

В этот момент тишину дома разорвал резкий, визгливый звук. Сработала пожарная

сигнализация.

Мы оба вздрогнули. Красные стробоскопы замигали под потолком, заливая холл

тревожным светом.

— Что за черт... — Макар мгновенно развернул кресло к лестнице.

Сверху, с галереи второго этажа, потянуло едким, густым дымом. Запах был

синтетическим — так горит изоляция или пластик.

— Пожар в восточном крыле! — крикнул Иван, вбегая обратно в дом. За его спиной

уже суетились другие охранники с огнетушителями.

Восточное крыло. Там находилась комната Елены Степановны.

Я не раздумывая бросилась к лестнице. — Лида, стой! — рявкнул Макар, но я уже

перескакивала через ступеньки.

Дым становился гуще. Он полз по дороговому ковру, как живое, серое существо. Я

прикрыла нос рукавом. Дверь в комнату Елены Степановны была приоткрыта, и

оттуда валил основной поток дыма.

Я вбежала внутрь. Пламени почти не было — тлел плот-

ный тяжелый гобелен у камина

и часть ковра. Но дым был удушающим.

Елена Степановна лежала на полу у кровати. Она была без сознания. Рядом валялся

пустой пузырек из-под снотворного, которое я дала ей утром.

— Сюда! Иван! — закричала я, падая на колени рядом с хозяйкой дома.

Я нащупала пульс. Он был слабым, нитевидным. Она надышалась угарным газом. Я

попыталась поднять её, чтобы вытащить в коридор, но вес был слишком велик

для меня одной.

В комнату ворвался Иван. Он подхватил Елену Степановну на руки, как пушинку. —

Лидия Алексеевна, уходим! Ребята уже тушат!

Мы выскочили в коридор. Дым резал глаза. Мы бросились к лифту, но он был

заблокирован из-за пожарной тревоги. Пришлось спускаться по лестнице. Я

бежала впереди, контролируя, чтобы Иван не споткнулся с драгоценной ношей.

Внизу нас ждал Макар. Его лицо было бледным, как мел, когда он увидел мать без сознания.

— В гостиную. Положи её на диван, — скомандовала я, перехватывая инициативу.

Врач снова вытеснил испуганную женщину. — Откройте все окна! Быстро!

Я расстегнула воротник на платье Елены Степановны, проверила дыхательные пути.

Дыхание было прерывистым. — Кислородный баллон из моей процедурной! — крикнула

я Марте, которая с ужасом наблюдала за происходящим. — И аптечку! Скорую

вызвали?!

— Уже едут, — ответил Иван, тяжело дыша.

Я начала проводить первичные реанимационные мероприятия, массируя грудную клетку

и следя за реакцией зрачков. Макар подъехал вплотную к дивану. Он не мешал. Он

просто смотрел на лицо матери, и я видела, как его руки до белизны сжали

подлокотники кресла.

— Она будет жить? — хрипло спросил он.

— Будет, — я надела на лицо Елены Степановны кислородную маску, которую принесла

Марта, и открыла вентиль. — Она жива. Просто сильная интоксикация.

Через десять минут завывли сирены скорой помощи. Врачи забрали Елену Степановну,

погрузив её на носилки. Я передала им все данные о её состоянии и препаратах.

Когда суета улеглась, в доме остался стойкий запах гари и мокрого пепла. Пожар

потушили быстро — горел только гобелен и кусок ковра. Я сидела в гостиной, прислонившись спиной к дивану. Руки дрожали от усталости.

Лицо было перепачкано сажей.

Макар подъехал ко мне. В его глазах было что-то такое, от чего мне стало

страшно. — Это не была случайность, Лида, — тихо сказал он. — Иван

осмотрел комнату. Снотворное, которое ты ей дала, кто-то переставил на

тумбочку. А гобелен загорелся не от камина. Там нашли осколки стекла. Кто-то

бросил в комнату самодельную зажигательную смесь, пока она спала.

Я подняла на него глаза. Внутри всё похолодело. — Кто? — Тот же человек, который принес ветку тебе под дверь. Тот, кто хочет, чтобы я

остался абсолютно один.

Макар наклонился вперед и, не обращая внимания на сажу, осторожно провел рукой

по моей щеке. — Савельев был прав в одном. Этот дом — ловушка. И я больше не

могу гарантировать твою безопасность, Лида. Тебе нужно

уйти. Прямо сейчас.

Глава 13(Лидия / Макар)

Слова Макара упали между нами, как куски битого стекла. «Тебе нужно уйти. Прямо

сейчас».

Запах гари, пропитавший обивку дивана и мои волосы, казалось, усилился. Я

смотрела на его руку, которая только что стерла сажу с моей щеки. В этом

жесте было столько нежности, а в словах — столько ледяного приговора. Он не

просил меня уйти. Он отрезал меня, как хирург отсекает здоровую ткань, чтобы

спасти её от гангрены.

— Вы серьезно? — мой голос прозвучал хрипло. Я медленно поднялась с пола,

отряхивая халат. Колени дрожали, но я заставила себя выпрямить спину. —

Ваша мать в больнице. Ваш дом только что пытались сжечь. А вы предлагаете мне

собрать чемодан и сделать вид, что мой контракт окончен?

Макар не ответил сразу. Он сидел в кресле, глядя на меня снизу вверх, но его

поза не выражала уязвимости. Он был похож на командира, отдающего приказ об

эвакуации гражданских с линии фронта.

— Твой контракт был на реабилитацию, Лида. А не на участие в войне за

наследство, где в ход идут бутылки с зажигательной смесью, — произнес

он сухо. — Ты вылечила мою голову. Заставила меня вспомнить, что у меня есть

ноги. На этом твоя миссия выполнена. Я переведу тебе на счет сумму,

достаточную, чтобы ты открыла свою клинику или купила

квартиру вдали

от Геннадия.

Я почувствовала, как внутри закипает злость. Та самая, очищающая,

профессиональная злость, которая позволяла мне спорить с

профессорами на консилиумах.

— Вы не можете меня купить, Макар, — я сделала шаг к нему. — И вы не можете меня

уволить. Я не ваша собственность, чтобы вы решали, когда мне безопасно, а когда

нет. Вы обещали мне один месяц. Я дала слово, что поставлю вас на ноги. Я свои

обещания держу.

— Лида! — он ударил кулаком по подлокотнику. В его глазах вспыхнула ярость. — Ты

не понимаешь? Это больше не игры с Савельевым. Человек, который бросил огонь в

спальню моей матери, имеет доступ к системе б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.